

2021

Российский КОЛОКОЛ

Спецвыпуск им. Велимира Хлебникова. Выпуск третий

Литературный альманах «Российский колокол» 2021

Альманах

**Альманах «Российский колокол».
Спецвыпуск им. Велимира
Хлебникова. Выпуск третий**

«ИП Березина Г.Н.»

2021

УДК 82.161.1(051)

ББК 82(2)6

Альманах

Альманах «Российский колокол». Спецвыпуск им. Велимира Хлебникова. Выпуск третий / Альманах — «ИП Березина Г.Н.», 2021 — (Литературный альманах «Российский колокол» 2021)

ISBN 978-5-907395-44-2

«Дорогой читатель! Перед тобой третий специальный выпуск альманаха «Российский колокол», посвященный памяти русского поэта и прозаика, одного из крупнейших деятелей русского авангарда Велимира Хлебникова...»

УДК 82.161.1(051)

ББК 82(2)6

ISBN 978-5-907395-44-2

© Альманах, 2021

© ИП Березина Г.Н., 2021

Содержание

Предисловие	6
Аркадий Афонин	7
Арена	9
Валентина Бендерская	15
Диптих «Бердичев»	17
Из цикла «Три времени года»	19
Цикл «Имя»	21
Из цикла «Пассакалия»	24
Витольда Гагарина	28
Град	30
Град	36
Ханох Дашевский	39
Дыхание жизни	40
Надя Ибрагимова	47
Туман	49
Зима немая	50
Стихи, написанные после лекции Садхгуру	51
Я – везде	51
Любовь	52
Ты ушёл...	52
Природа	52
Вспоминай	52
Миленький	53
Льдинка	54
Расцвела вишня	54
Погадай!	55
Апокалипсис	56
Любовь	56
Бойкот	56
Солнышко, скажи!	56
Владимир Калинин	58
Смышлёный и его преступное сообщество	60
Часть первая. Машинист в тупике	60
Конец ознакомительного фрагмента.	71

**Коллектив авторов
Альманах «Российский колокол».
Спецвыпуск им. Велимира
Хлебникова. Выпуск третий**

Предисловие

Представляем читателям спецвыпуск альманаха «Российский колокол» имени Велимира Хлебникова.

Если творческий человек всегда в той или иной мере необычен, отличается от других, то для Хлебникова это верно в квадрате и в кубе. Обладая слишком своеобразным талантом, он так и не был понят до конца современниками, даже единомышленниками, да и теперь его творчество вызывает немало вопросов и далеко не всеми принимается.

Поэт для поэтов – так Хлебникова называли и называют, хотя диапазон его творчества далеко не ограничивался только стихами. Его относили к футуристам, хотя сам Хлебников нашел собственное самоопределение – будетлянин. При всем новаторстве своего творчества он не отвергал традиций прошлого, не позволял себе пренебрегать историей и культурой. Поэтому в его стихах не только «вне протяжения жило Лицо», но и «Ночь смотрелась как Тютчев».

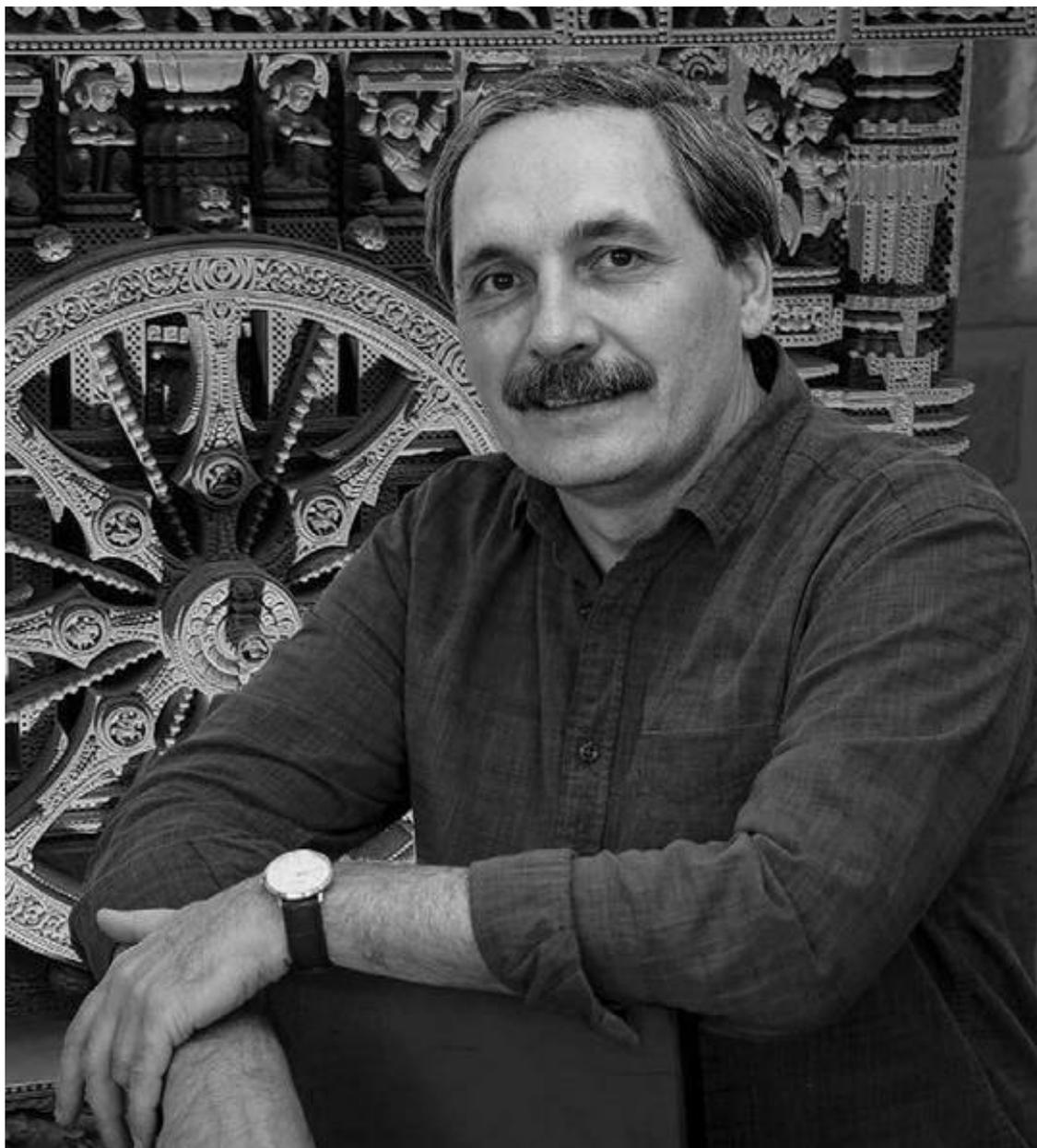
Однако Хлебников постигал жизнь не только через слово, но и через цифры и числа. Через сложные арифметические подсчеты он стремился вывести законы времени, которые позволили бы установить закономерности человеческих судеб и истории стран и народов. Эта проблема волновала Хлебникова тем сильнее, чем больше он видел исторических потрясений. И, надо признать, некоторые из них он действительно предсказал согласно рассчитанной им самим системе, порой с точностью до года.

Представленное издание – третий спецвыпуск альманаха имени Хлебникова, который, вероятно, уже может считаться зарождающейся литературной традицией. Одаренные писатели и поэты нашего времени собираются, чтобы поделиться своими мыслями и чувствами с читателем. Каждый тем способом, какой считает ближе всего для себя – стихами или прозой, через философско-критические построения или занимательную беллетристику, которая не только развлекает, но и побуждает размышлять и рассуждать.

Сам Хлебников не сомневался, что талантливым людям необходимо так или иначе сообщаться. Поэтому альманах, объединяющий авторов и читателей, хочется верить, станет лучшим памятным изданием для замечательного поэта и писателя.

Приятного чтения!

Аркадий Афонин

Аркадий Афонин родился в г. Красноярске, самом сердце Сибири. Сейчас проживает в Туле. Идеи первых литературных произведений появились в школе, которую окончил в 1979 г. Обучаясь в Тульском государственном институте имени Л. Н. Толстого, увлекся театром и изобразительным искусством. В 1985–1987 гг. обучался заочно в МГЗПИ в г. Москве по специальности «изобразительное искусство».

Работал учителем в тульской школе, преподавателем в педагогическом университете. Кроме педагогической деятельности занимался дизайном интерьеров, работал художником-оформителем в рекламном агентстве. Все это время продолжал заниматься литературой. В 90-е гг. издал несколько поэтических сборников: «Ожерелье страсти», «Час безвременья», «Капли». В 2000-е гг. им написано несколько повестей и киносценариев. В 2008 г. издана книга стихов «Французский бульвар».

В 2010 г. напечатана детская сказка в стихах «Невероятные приключения Соври-Болона и Осы», и по ее мотивам в 2011 г. записана аудиокнига.

Последние десять лет много путешествует по Европе и Азии. Четыре последних года проживал в Нью-Дели в Индии, где в 2018 г. издал сказку-фэнтези «Золотой город, или Возвращение миров». Кроме занятий литературой и педагогической деятельностью много времени уделяет рисунку и живописи. В ближайших планах – издание альбома графических работ.

При работе над каждой книгой особое внимание уделяет ее художественному оформлению, начиная с обложки и заканчивая подбором шрифта и иллюстрациями.

Арена Поэма

1

Арены круг влечет. Душа стремится ввысь.
Все медленно течет, и мысли разлились.
Песок еще сухой, причесан, подметен,
И по нему рукой проводит нежно он.
Ласкает, говоря заветные слова,
Колено преклоня, песок поцеловал.
Тореро, будто бог, сияет в золотом,
Молитву сотворя полуоткрытым ртом.
Montera¹, как мечта, опять в его руке.
Он мысли отпустил и вышел налегке.
Проходит по ковру. Без зрителей – смешно,
Как танцы поутру иль крепкое вино,
Как сумасбродный крик среди ночной тиши
Иль как святого лик в безжизненной глуши.
Но, мысли отпустив, он бродит не спеша.
И некогда грустить, и нечего решать.
Chaleco² вяжет грудь и отражает свет.
Она хранит его уже немало лет.
Арена и песок – его знакомый путь.
Он думает и ждет. Волнуется чуть-чуть.

2

До схватки – два часа. И бык уже в плену.
Но, губы искусав, он не пойдет к нему.
Он молча будет ждать заветного звонка,
Свой плащ к груди прижав, как в прошлые века
Ждал схватки человек. И, медленно привстав,
Остановил свой век – от ужаса устав,
Остановил свой бег и плечи развернул,
И прошептал себе, не разжимая скул:
– Нет, я не побегу. Вонзай свои рога!
Я больше не могу от дикого врага
Бежать, как жалкий трус меж веток и кустов.
И пусть змеи укус слабей, чем штык рогов,

¹ *Montera* – головной убор матадора, шляпа из бархатной буклированной нити.

² *Chaleco* (исп.) – жилетка.

Но я не побегу. Раскрашу кровью грудь.
На этом берегу закончу смелый путь
И лягу под тобой, гарцующий бизон.
И пусть – смертельный бой, и жизнь, как будто сон,
Промчится, не успев все дни перелистать.
И птица – будет петь. А кто-то – будет ждать.
Но я не побегу. Мы – старые враги.
Я больше не могу. Уж лучше ты беги!
Уж лучше ты неси вперед свои рога.
Я посмотрю вблизи, как этот пыл погас,
Как упадет в песок вот эта груда мышц.
Пусть между нами рок и крик безумных птиц.
Пусть между нами лед, холодная вражда.
И кто-то кровь прольет, застынет навсегда.
Слезай на землю, бог задумчивых лесов,
И наостри свой рог, и распугай всех сов.
Я здесь стою один. Копье – в моих руках.
Поляна – тот же ринг, но в птичьих голосах.
Поляна и кусты, что разделяет нас?
Последние часы – копыт тяжелый ляг.

3

Арены тесен круг, от схватки не уйти,
Лишь только сердца стук волнуется в груди.
И первые шаги – на огненном песке,
И вечные враги глядят теперь в тоске.
Здесь бык и человек – загадочный дуэт,
Уже который век меж ними мира нет.
Опять – горенье глаз и напряженье мышц.
Он близок, страсти час. И сотни разных лиц
Следят. Не оторвет и даже в небе гром.
И каждый схватки ждет. Волнуется. С трудом
Удерживает страсть. Царапает песок.
Над ними свыше власть – витает грозный рок.

4

Укол, бросок и – кровь.
Арена – без углов,
Арена – без конца.
Дыханье – у лица.
И взмахи сотен рук.
Как бесконечен круг!
Круг боли и побед.

Да, здесь покоя нет.
Броски и пики стрел.
Костюм атласный бел.
И так изящен шаг,
Как звон испанских шпаг,
Как этот гордый вид.
Он, как король, царит.
Осанка – в полный рост.
Хозяин, а не гость,
Властитель мыслей, дум.
Его ласкают шум
И взгляды, громкий свист,
И ринг песчаный чист.
Тут лица, крики, боль,
И пот смывает соль.
И страшный зверь мычит.
Muleta³ будто щит,
Алеет. Пляшет. Жжет.
И перекошен рот.
Бросок и – вновь укол.
Бык пред тобою гол,
Свиреп, но уязвим.
И ты играешь с ним:
То дразнишь, то зовешь,
То по живому рвешь,
Вонзая свой металл.
Вот бык тревожно встал
И повернул рога,
Как будто угадал,
Что тряпка – не игра.
И, кажется, пора
Вести свою игру.
Перед тобой – не друг.
Перед тобой – не гость.
И вспыхивает злость
В сверкающих глазах.
И дразнит, дразнит взмах
Атласного плаща.
Соперника ища,
Бык дернулся и встал,
Как будто он устал
От бешеной игры.
Вот вечные дары –
Страдание и смерть.
Что легче: умереть
Иль победить врага?
Да, плата дорога!

³ Muleta – красный плащ, который используется, чтобы направить атаку быка.

5

Рев трибуны – водопад, речи не понять.
Крики сыплются, как град. Страсти не унять.
Напряжение растет. Тряпка на песке.
Бык пока чего-то ждет – в ярости, тоске.
Первый шаг и – поворот. Голову склонил
И копытом землю рвет, будто рыба ил.
Ноздри пышут. Сделал шаг. Делает рывок.
Под огнем колючих шпаг засветился рок,
И проносится гора. «С трепетом скольжу.
Кажется, теперь пора. Тело нахожу.
И вонзаю первый клин. Тело – груды мышц,
Будто в корку апельсина проникает шприц».
Рев озлобленно больной. Шею искусал.
Пролетел по телу зной и – к ногам упал.
Снова шаг. Кровавый след. Капелька скользит.
Он прожил так мало лет. Рана не болит,
Просто ноет, как комар кровь попил слегка.
Но уже струится жар. Ноздри – у песка.
Тряпка скачет и зовет, манит алый цвет.
Вновь копытом землю рвет, но опоры нет.
И доносится с трибун ураганный шквал.
Люди бешено вопят: – Свой вонзай кинжал!
И проносится стрела. Плоть уже близка.
Закрутился, как юла. Что же ты искал?
Брови сдвинуты. Порыв – масса на песок,
Будто вену резко вскрыв, и – пошел поток,
Разливается, горит на закате кровь.
Зверь подкошен. Мрачный – спит, но уже без снов.

6

Хрип дыхание зажал. Плачет тишина.
И дрожит еще кинжал... Рухнула стена.
Повалился грозный зверь. Тело боль сожгла.
Лишь грызет песок теперь, не запомнил зла.
Только запах лопухов, первые цветы.
Издает короткий рев, помыслы чисты.
Мелкой птицы пересвист, шелест у ручья,
И повис шершавый лист. Ползает змея.
Все знакомо. Каждый куст. Веточки покой.
На песке лежит без чувств раненый изгой.
Умирает полубог. Грудь его в крови.

Посреди чужих дорог сон его повис.
Плачет молча грозный зверь. Слезы – не вода.
Ничего вокруг теперь. Он у ног врага.

7

Тореро поднял руки и опустил глаза:
– Я это лишь от скуки сегодня показал.
Я здесь играл пред вами, раскрашивал песок.
Мы с ним сходились лбами. Моя судьба – игрок.
Мое величье, сила – в изяществе клинка.
Вдруг публика застыла, как мертвая река,
Как будто сновиденье над рингом пронеслось;
А грозное виденье спокойно поднялось,
И ринулась громада – песок будто атлас,
Как буревестник ада назначил этот час,
Назначил эту встречу «пылающий бизон».
Вот он – последний вечер. Вот он – последний сон.
Лишь кружатся секунды по циферблату лет,
А мира между ними и не было, и нет.
Вновь жертвы повстречались. Развязки – не понять.
Лишь остается только им на судьбу пенять.
Лишь остается снова – биение сердец
И ощущать всем телом, что подошел конец.
Еще секунда боли. Вновь трепет и рывок,
Хлопки сухих ладоней да страшный топот ног.
Гул снова нарастает. Опять горит песок.
Соперник, как и прежде, вновь делает бросок.

8

И тень быка за бархатной спиной
Растет угрюмо серою стеной,
Встает, как туча, грубо и уныло.
Толпа рядами яркими – застыла.
И в ожиданье страшного финала
Вся публика, застывшая, привсталала.
Молчанье нависает и плывет.
Быка уставшего как будто кто зовет.
Вновь скрип песка и золотая пыль,
А над ареной, как пред бурей, штиль.
И вот рывок! И бык – опять ревет,
Проносится горою и воздух жаркий рвет,
И жалом в грудь вонзает – горячие рога,
Но сам еще не знает, что победил врага!

Он сбросил тряпку смело и голову поднял:
Лежит в атласе тело, вот, кажется, финал.

9

И бык стоит еще мгновенья два.
Еще минута страшного покоя.
Толпа гудит, пока еще едва,
И провожает дикого изгоя.
Он замер. Шаг – и пробежала дрожь.
А кровь бежит из незакрытой раны.
И жизнь его – одна большая ложь.
Страшит всех след на шее рваный.
Упал. Сражен. Печальная игра.
Жизнь замутилась ужасом и болью.
Он поднимается? Теперь ёенья.
...
Они – в крови. Кровавая игра.
Следы алеют. Белая рубаха.
И этот бой – как будто злая плаха,
А плащ терзают теплые ветра...

Валентина Бендерская

Валентина Владимировна Бендерская – музыкант, поэт, переводчик, общественный деятель, «Отличник народного образования Украины», Почётный член Союза независимых писателей Болгарии, член Международной гильдии писателей (Германия), член Международного союза писателей Иерусалима (Израиль), лауреат премии им. Владимира Набокова, обладатель звания «Виртуоз словесности». Родилась в Бердичеве (Житомирская область, Украина). Основала хоровую студию «Струмочок» (Житомир). Студия получила звание «Образцовой», является лауреатом Премии поэта Николая Шпака, а также многих областных, республиканских, международных конкурсов и фестивалей. Инициатор и организатор хоровых фестивалей «Струмочок скликає друзів» с участием коллективов из разных городов и стран. Автор оригинальной методики преподавания теории музыки и сольфеджио на основе релятивного метода, подготовила к выпуску учебник по теории музыки и сольфеджио. Проводит мастер-классы по

своей методике со студентами и преподавателями музыки. Публикуется в научных изданиях. С 1997 г. живёт в Израиле, в Тель-Авиве. Десять лет проработала в Израильском оперном театре.

Автор шести поэтических сборников: «Фрейя», «Стихи из мусорной корзины», «Асфодели непознанный профиль», куда также вошли переводы стихов с польского языка и песни на её стихи, «Выкрутасы эйдоса», «Любовь-Крысолов», «П'ятнадцатая». С поэтом Леонидом Колгановым организовала в Тель-Авиве всеизраильский поэтический клуб «ПоВтор». Фишкой работы клуба являются международные поэтические телемосты «Поэзия без границ», на которых побывали поэты из разных городов и стран: Израиля, Украины, Испании, Греции, России, Германии, Белоруссии, Америки. Инициатор выпуска и составитель международных альманахов «Свиток 34» по материалам этих телемостов. Автор идеи, составитель поэтической антологии «ПАРК Шодуара». Печатается в журналах и альманахах СРПИ, МГП, МСПИ, таких как «Новый Ренессанс», «Созвучие муз», «Юг», «Литературный Иерусалим», «Артикль», «Под эрой Водолея», Für dich, «Писатели XXI века», «Мелодии сердечных струн» и многих других. Стихи переведены на украинский, польский, болгарский, английский, немецкий языки.

Учредитель поэтической премии имени Леонида Колганова.

Диптих «Бердичев»

1. Отчий дом

Дом ещё живёт и дышит
Ранним утром акварельным,
Сном таинственным под крышей
И томлением пастельным.
Ещё бури и прибои
В нём бушуют, как и прежде.
Только жёлтые обои
Как потёртые одежды.
Только трещин паутина
Расползлась по штукатурке,
И в пруду заросшем тина
Словно бархат на шкатулке.
Малахитовая зелень
Обнимает дом снаружи,
Зев оконный в нём побелен
Отпечатком нежных кружев.
И пока в нём бьётся сердце
В ожиданье блудной дочки,
Я сюда приду погреться
И плести из слов веночки.

2. Бердичев

Мой город родной, неказистый,
С потёртостью маленьких крыш.
В реке под горою волнистой
Ласкается томный камыш.
Плывут между улочек скромных
Неспешно уютные дни
И в двориках старых укромных
Мерцающей жизни огни...
Мне любви твои ароматы,
Капли из вишенных вен
И остров небрежно косматый
Вблизи кармелитовых стен,
Надтреснутый звук колокольни,
Израненной горестью лет,
И крик петуха протокольный,
Вещающий новый рассвет.

Из цикла «Три времени года»

1. Начало сезона дождей

Смывая пыль и грязь за лето,
обрушился на город дождь
и, как блестящею монетой,
сверкает лужами, кометой
гарцует босоногий вождь.
Вода! Вода! Живая сила!
И горло пересохших рек,
морщины склонов напоила,
как будто только и радела,
чтоб сократить пустыни век.
Вновь караваны горных лысин
покроет редкий пух клочков
травы, кустов, как корку – плесень.
Признание громбвых песен –
скупая красота цветов!

2. Конец субтропической зимы

Разливает молоко на кусты и на деревья
По весне корова Нут⁴, нежась в солнечной траве.
Это первые дары новолетнего преддверья,
Несравненные дары голым веткам и листве.
Вновь теплом преобразилась онемевшая пора,
Расплескалась, развопилась, словно невидаль какая,
Обновилась диорама вдоль облезлого двора,
На припёке растянулась ящерица золотая.
Оживился пейзаж взбудораженным стаффажем⁵ –
Воскресенью нет числа на листках календарей.
Перекрикивая гул, воспарил галдёж над пляжем
Завершением сезона субтропических дождей.

3. Лето у края Ойкумены

Влажная липкая кожа, налитая

⁴ Корова Нут – древнеегипетская богиня неба (смена дня и ночи).

⁵ Стаффаж – второстепенные элементы композиции, создающие фон для основных.

мякоть телесная – мятая глина.
Простынь прилипла к скелету. С исходом дня
ночь обезумела...
Красными, будто варёными раками,
устланы пляжи телами бессильными.
Бьются в истерике на судах с баками
волны плаксивые.
Вот оно, лето – горячее, паркое,
зноем палящее, солнцем клеймящее,
с тенью, никак не спасающей, парками
зелень томящее...
Ветки обмякли, к жару тугоплавкие,
скрючились, съёжились в струпья до вечера.
Их ожидает – влюблённых (над лавками) –
тайная вечеря...

Цикл «Имя»

1. Имя

Она, как небес корабли,
плывёт, не касаясь земли,
младенца держа на руках.
Какой он оставит в веках
след дел – от столиц до окраин?
И было его имя Каин...
Она, как мираж пустыни,
идёт в длинном платье из сини,
к груди прижимая сокровище:
кто – ангел он или чудовище
для мира, так ждущего чуда?
Ему дали имя – Иуда...
Летит быстrokрылою птицей
в тунике из скромного ситца.
У мира всего наяву –
Ребёнок родился в хлеву.
Какую Он весть нам принёс?
И звали Его Христос!

2. Бумажный хлеб

*Пойдём, поэт,
взорим,
вспоём
у мира в сером хламе.*

В. Маяковский

Встреча с тобою была как взрыв
Атомно-водородной бомбы.
Стихи читала наотмашь, навзрыд,
Круша в глухих душах тромбы!
Слог твой – как ветер свежий в лицо,
Хлёсток молнией яркой,
Лезвие бритвы, молот с серпом,
Дух пёчи доменной жаркой!
Ты с Солнцем пошёл взорить, воспеть,
У мира в сером хламе.
В трио возьмите меня к себе –

Я буду петь вместе с вами.
Петь буду смело горнилом вслед,
Мясом к гарниру из стали.
Благословляю бумажный ваш хлеб
За то, что выжить мне дали!

3. Елабуга, 31 августа

*– Бог, не суди! Ты не был
Женщиной на земле!*

М. Цветаева

Краснощёкие нектарины
подавали сегодня к столу.
День последний усопшей Марины
загорался в музейном углу,
в заточении за занавеской
поднимался в предутренней мгле,
на стене угасающей фреской
под гвоздём в сердобольной петле.
Может, фартук тому был причиной
и пустой его вечно карман,
что записку друзьям и ключи на
скатерть брошены, как в океан?!
Может, сил больше не было верить?
Только нет в этом Божьей вины:
кто не знал скотской жизни потери –
не был женщиной этой страны!
Здесь в музее сверкают витрины,
отражая оставленный след
в этом доме душою Марины,
но в котором её больше нет.

4. Раскольник

*Я вернулся в мир казнить
Всех, кто был фальшивой масти!*

Л. Губанов

Он пришёл – молодым!
И ушёл – молодым.
Скок по полю – гнедым!
Едкий – с искрами – дым!

Колокольный надрыв!
Безутешный набат!
Ослепительный взрыв –
Мой растерзанный брат!
И с расколом – раскол!
И с женою – жених...
Он с оскалом – металл,
Всех карающий – стих!
Из житья выйти смог
За предел нежитья!
К чаше дерзкого «СМОГ»⁶
Причастилась и я!

5. Пианист

Владимиру Крайневу

Возвращаясь домой, потрясеньем гордясь,
Мне кричать всем хотелось от счастья:
Там играл пианист – страсть по струнам лилась
От натянутых жил до запястья!
Звук – по локоть, плечо, предо мной, надо мной,
На себя будто бы нанизала, –
Виртуоза игра иерихонской трубой
Разрушала апатию зала!
Тишины монолит, как Берлинской стены
Всей торос из железобетона,
Раскололся под властью витальной волны
Торжества совершенного тона.
Возвратившись домой, позабыв обо всём,
Диск крутила – в тоске – граммофонный.
Там играл пианист – рассказать бы о нём,
Да молчал аппарат телефонный...

⁶ СМОГ – молодёжно-поэтическое движение начала 1960-х годов.

Из цикла «Пассакалия»

Светлой памяти Леонида Колганова

Ретроспектива

Солнце утром поднималось,
опоясывая день,
и, не ведая усталость,
словно лучник, развлекалось,
метя в Землю, как в мишень.
А под вечер полоскало
пряди рыжие в воде
и, накрывшись одеялом,
за горою – в платье алом –
пряталось... Как конь в узде –
месяц выезжал на туче
и, трясясь под звёздный стон,
все поля вокруг окучив,
своей страстью неминучей
под гнусавый саксофон
ублажал души усталость
той, кому не двадцать лет...
Счастье выпало под старость
испытать такую малость –
что любил меня ПОЭТ!

Перстень с чёрным гранатом

*...Чтоб жглась могила к могиле,
И вновь мы сливались во мгле!*

Л. Колганов

Ты перстень с чёрным гранатом
надел мне на палец зимой,
когда мороз призрачным сватом
на нас сыпал снежной крупой
и ветер стелил рушниками
позёмку под «Свадебный марш»
у замка стоящей веками
горы, словно ворот апаш.
Нам скатертью стлались дороги,
а снились ухабы и рвы,

стихи обрывались на слоге,
горели дворцы синевы,
Морана⁷ брэнчала метелью
по струнам остывшей земли –
готовую стать колыбелью,
чтоб вместе в неё мы легли,
и жалась могила к могиле
в кромешной безвылазной тьме.
Противилась я этой силе
и вечной могильной тюрьме.
Противилась смерти и тлену
и вязкой рутине болот,
стирала засохшую пену
обрыдлых насущных хлопот!
Рождались стихи, как метели,
и мчались в трагический май,
где в буйстве черёмух и трелей
замолкли на слове «прощай...»,
взорвавшись, как бешеный атом,
затихли, как омут реки...
Но перстень твой с чёрным гранатом
с тех пор не снимаю с руки.

Разрыв-тоска

*Разрыв-травка, разрыв-травка
Мне разрывает грудь*

Л. Колганов

Я жена, твоя жена,
но послала судьба на
худосочное житьё вдовьей ночи.
И теперь моя тоска
заржавелого листка
угасающей луной тычет в очи.
А за ней разрыв-травка
жжёт мне грудь, твои слова
растерзали моё сердце в клочья.

Между жизнью и смертью

⁷ Морана (чеш.) – миф. персонаж, связанный с обрядами умирания и воскресения природы.

И я прошу: «Грачей и снег верните...»

Л. Колганов

Я сплету из твоих стихов
наш портрет навсегда двуединый.
Пара строф или пара слов
станут прожитой жизни картиной,
на которой – «чётный квадрат»
и грачи улетали далече,
умирала любовь стократ
в ожидании радости встречи,
где вдвоём, отпустив закат,
день встречали в объятиях солнца,
не был нужен ни брат, ни сват,
ни сиянье в манящих оконцах,
где весь Мир был в тебе одном –
ты и храм мой, и Светоч, и Демон,
где величье вечным грехом
восставало на подступе зрелом!
Ты теперь на другом берегу –
ну а я занята круговертью:
в ней любовь твою берегу,
разрываясь меж жизнью и смертью.

Первозданность

*Не седыми ослеплён годами,
А твоей пронзительной красой!*

Л. Колганов

Зацветает опять баугиния⁸,
отряхнувшись от старой коры.
Для тебя оставалась Богиней я
до последних дней звёздной поры.
Эта сила твоей первозданности
мне дарована раньше была,
хоть и жизни земной нашей странности
заразительны, как кабала,
чередою с фанерными позами
эталонов мирской красоты,
где кидают – смертельными грёзами –
с пантеонов подложных понты.
Эталоны все эти мне побоку,

⁸ Баугиния – орхидное дерево, растение семейства бобовых с крупными пурпурными цветами.

и, отбросив планктон кормовой,
повинуюсь я чувству глубокому
лишь к тебе, мой вовеки СВЯТОЙ!

Витольда Гагарина

Витольда Гагарина родилась и выросла в России, пятьдесят лет живёт в Казахстане. Пишет рассказы, стихи. Общественный руководитель клуба «Литературные субботы» при ЦГБ с 2001 г., литобъединения «Меридиан» – с 2016 г. Член ОО «Ассоциация литераторов Северного Казахстана», ИСП, Академии российской литературы.

Авторские сборники: «Наболевшее» (2007), «У судьбы на пороге» (2017), «На тропе судьбы» (ИСП, 2019). Ежегодные номинации на конкурс «Поэт года», подборки стихов в альманахах РСП, сборниках проектов «О добре» (Коломна), «Библиотека современной поэзии» (Москва). В изданиях: «Автограф 6», «Российский колокол», антологии «Литературная Евразия», «Антологии российской поэзии», энциклопедии стихов и прозы «Писатели русского мира. XXI век». Дипломы: «Поэт года – 2018» от ИСП, номинанта «Поэт года» – 2015–2019, «Георгиевская лента» – 2017–2019.

Награждена медалями: «В. Маяковский – 125 лет» (2019 г.), «А. Чехов – 160 лет» и «А. Ахматова – 130 лет» (2020 г.).

Град

Очерковые мемуары

О, Казахстан, вторая родина моя,
уже полвека от себя не отпускаешь!
Тебе часть лучшая всей жизни отдана,
а ты всё глубже в наши души проникаешь!

К себе привлёк в шестидесятых целиной,
потом нас зацепил и комсомольской стройкой:
здесь возводила юность город молодой,
отдав родной стране характер свой и стойкость!

В степи бескрайней вырос комбинат-гигант,
один из флагманов металлургии чёрной!
Руда Магнитке шла из Рудного, как план,
а сверху плана – по стране, тогда огромной!

Наш город Рудный, как и славный Казахстан,
давно известен странам в населённом мире.
Богаче недрами из всех богатейших стран,
он – родина людей с судьбой такой красивой!

Она увидела себя на службе среди прихожан какого-то большого храма, в котором никогда не была раньше. На возвышении стоял патриарх со строгим лицом, а у его ног преклонили колени хорошо знакомые люди: бывшие руководители СССР, президенты стран СНГ, предводители фракций...

Вот хор смолк, а самый высокий и седой из стоявших на коленях, положив руку на сердце, произнёс: «Дорогие россияне! Простите вы нас, ради Бога, за то, что мы предали вас! За политической вознёй, разделом портфелей и казны мы забыли о вас и отдали на поругание всё доброе и человеческое. А теперь пожинаем плоды: гибнет сильная страна, превратившаяся за несколько лет в страну воров, нищих и проституток, а внешние враги только и ждут момента, чтобы растащить её по кусочкам... Люди добрые! Проникнитесь, как раньше, любовью к Родине! Все, кто может, верой и правдой – за родное Отечество! Простите, забудьте всё и помогите стране возродиться!»

В наступившей тишине зашептались стоящие в переднем ряду известные олигархи, адвокаты, чиновники, а их охранники зорко осматривали толпу прихожан. Вдруг откуда-то сверху справа послышался приглушённый знакомый бас: «Поздно спохватились, голубчики! Иных уж нет, а те – далече...» Слева сверху ему вторил интеллигентный негромкий мужской голос с картавинкой: «Мыто простили, у нас выбора не было, а вот простят ли вас потомки? И помогать вам больше некому, уж постарайтесь сами...» Тут женщина начала оглядываться по сторонам, надеясь увидеть поддержку хоть в одном знакомом или просто добром взгляде, но кругом были только напряжённые каменные лица. Страх холодной волной охватил женщину, и... она проснулась.

Страхнув остатки этого странного короткого сна после ночной смены и досадуя, что теряет драгоценное время, женщина вскочила с дивана. Проходя мимо зеркала, крепко стянула косынкой голову, глянула на часы и, ахнув, вышла на крыльцо своего дома. Вдохнув летнего

предполуденного воздуха, она внутренне улыбнулась, радуясь короткому отдыху и солнечному дню, и быстро пошла по дорожке вдоль дома.

На осмотр своего хозяйства у неё было не больше часа до приезда мужа на обед. «Нет, некогда спать, когда здесь столько работы», – отметила про себя хозяйка, на ходу осматривая растения. Правда, в последние годы ей всё трудней давался уход за этим садом-огородом. Сознавала, конечно, что силы и сноровка уже не те, потому что не управлялась вовремя. Она начинала свой труд с утра, а заходила в дом к полуночи, если не была на смене.

Так уж сложились обстоятельства, что большую часть своей трудовой жизни работа у неё была сменная, хоть и меняла её не раз в угоду семейному благополучию. Не зная за собой особых талантов, начала с медицины, а закончила телефонисткой-телеграфисткой. Работала везде неплохо, стараясь по возможностям своим овладеть профессией. Однако самым счастливым периодом считала те семь лет труда в химлаборатории опытно-промышленного цеха, когда училась опять, хоть и заочно, имела высокий разряд, была бригадиром, перевыполняла норму (иногда на триста процентов), за что получала поощрения и уважала себя даже сама. Ещё в те годы произвела на свет и долгожданного сына, а вскоре, через год и три месяца, трагически потеряла его по вине работников детского сада...

Правда, днём у женщины был двухчасовой перерыв, связанный с обедом мужа и старшей дочери. Как всегда, только подав им второе блюдо, садилась ненадолго сама, затем, быстро убрав со стола, снова выходила в огород. Ведь весна и лето – самая ответственная пора для получения будущего урожая. Как и все огородники, она копала, корчевала, сеяла, постепенно высаживала рассаду, притеняла или укрывала её, подвизывала. Чуть примутся растения – начинала подкормку, а так как её нужно делать после вечернего полива, то бегала с ведром по огороду до самой звёздной ночи. Если была угроза заморозков, то укрывала свои растения. А утром – всё снова: открывала, поливала, окучивала, полола и так далее – до начала плодоношения. Женщина любила работать на земле и всегда чувствовала вину перед ней, кормилицей, если не сделала всё, что надо. И вообще считала: коль живёшь на земле, то должен использовать её, как положено предками, – кормить себя и семью самостоятельно, не надеясь на рынок, даже если и есть на что купить овощи и фрукты.

Она догадывалась, что рука у неё не очень лёгкая или «зелёная», потому что ей для получения урожая надо было работать в три раза больше, чем, например, первопалаточнице Екатерине Михайловне Болговой, её мастерице. Та прямо говорила: «Дорогая, если бы я столько времени посвящала огороду, у меня бы всё ломилось от урожая». И правда, руки этой женщины были не только «зелёные», но и просто золотые! А у нашей героини руки были чёрные от загара, потрескавшиеся от воды и земли. За это ей не раз делала замечания уважаемая Анна Яковлевна, бессменный секретарь главной приёмной АО «Соколовско-Сарбайское производственное объединение», работавшая при восьмом директоре, вернее, сейчас уже президенте. Принеся в очередной раз телеграммы для рассылки, она иногда говорила дежурной телеграфистке: «Милочка! Ты же жена руководителя цеха – и такие руки!»

Тогда бедняжке становилось стыдно под этим строгим взглядом, и она после работы бежала покупать кучу перчаток. «Коль не можешь нанять работников, то хотя бы руки береги, чтобы никто не догадался», – так она понимала. Но всё равно вскоре теряла все перчатки, снимая их постоянно, потому что не чувствовала в них растения и землю.

В шестидесятые годы, когда они с мужем только обживались в Рудном и не имели средств на дачу, женщина очень скучала по земле и чувствовала себя оторванной от того главного, чем были заполнены детство и юность, прошедшие на Урале.

Да, их малая родина затерялась среди гор и тайги, где лето было короткое, прохладное и дождливое, а зимы – долгие и снежные. Уже будучи взрослой, она прочла в пятом томе «Географии» Семёнова-Тян-Шанского, что Златоуст – это самое мокрое место в Европе, там осадки двести пятьдесят дней в году. А давно, ещё девочкой, она знала это по тому нелёгкому труду,

с которым доставались их скромной семье картошка и особенно сено для немногочисленной скотины, без чего было не выжить людям в суровом уральском климате в послевоенные годы.

Вздохнув при воспоминании, женщина остановилась у наливавшихся цветом георгинов. Вот их-то никогда не сажали на её родине, потому что не успевали зацвести за лето: ведь в июне ещё случались заморозки, а в августе уже были заморозки или снег. Только выносливый золотой шар украшал все палисадники. А сейчас у неё здесь столько сортов, такое богатство цветов и форм! Заядлая огородница всегда выращивала много цветов, потому что очень любила их дарить. Едва дождавшись цветения, она делала букеты и несла их людям: на работу – сотрудникам, в школу – учителям и детям, на концерты – артистам, в литературный клуб – именинникам, гостям, к праздникам и просто так. Зимой вся солнечная веранда их дома была заполнена цветами, а в саду с ранней весны и до поздней осени одни цветы сменяли другие.

Но вот нынче пришлось три клумбы засадить овощами: бросили дачу, где росло основное количество овощей на три их семьи.

«Ничего, ещё остались цветы между деревьями, кустами да по краям участка – мне хватит», – думала хозяйка, подходя к шпалерным зарослям высоких кустов помидоров.

Да, именно зарослям: жаль было удалять пасынки, чтобы не болели томаты. «Лишь бы града не было, а созреть ещё успеют, ведь сегодня ещё только шестое июля», – отметила про себя огородница, любясь обилием цвета и завязи на помидорах. Хотя нынешнее лето ей казалось уж очень похожим на уральское, потому что июнь и июль выдались облачными, с прохладными росными ночами.

Она прекрасно помнила, какие в Рудном были раньше холодные снежные зимы и очень жаркое лето... Зимой 1968 года морозы стояли ниже сорока градусов. А первого марта, когда она приехала в Кустанай с почти годовалой старшей дочкой, было минус тридцать семь.

Пока муж нашёл такси, все приехавшие и встречавшие уже уехали в Рудный. Старенькая «волга» шла плохо и вскоре встала. В салоне сразу стало холодно. Молодая мать плотнее прижимала к себе одеяльный свёрток с ребёнком, стуча зубами и притопывая ногами, мысленно уговаривая автомобиль завестись всё то время, что водитель и муж копались в моторе на морозе. И, слава богу, мотор заработал! Так они глубокой ночью добрались до своей первой однокомнатной квартирке в доме рядом с кафе «Сауле», посреди которой стояла груда вещей, заранее высланных багажом и недавно полученных мужем.

А каким жарким было их первое лето на новом месте! Да и потом ещё много лет в первой половине июня всегда стояла жара выше сорока градусов, и негде было спастись от неё в угловой однокомнатной квартирке, где целых три окна! Да ещё этот знойный ветер с песком, от которого не укрыться на улице, где не знаешь, что придерживать: поднимающиеся дыбом волосы или юбку...

В те моменты она ясно представляла, каким мужеством обладали первостроители молодого города, в котором просто жить-то было трудно, а надо было ещё и работать.

Здесь жило и трудилось много уральских земляков, жителей их маленького посёлка, которые были постарше и приехали раньше: начальник первой автобазы Кушмин, семья инженеров Крыловых, главный бухгалтер комбината Бондарев, семьи шахтопроходчиков Павлюченко и Урюпина, семья Клюкиных и многие другие. Даже Николай Фадеевич Сандригайло, директор ССГОКа, перед ВОВ работал директором их рудника на Магнитке, что возле Златоуста. Вот уж кто умел разбираться в людях! Как он тщательно подбирал, воспитывал и берёт кадры ССГОКа, что после развала Советского Союза и смерти Сандригайло почти все ГОКи стран СНГ говорили ему ещё много лет: «Спасибо за кадры!»

И действительно, город был очень богат энергичными и талантливыми людьми! Ведь на комсомольскую стройку съехались самые активные молодые люди со всей страны, которые росли в своём мастерстве вместе с комбинатом и новым городом. На 140 тысяч его жителей обозначилось восемь самых трудолюбивых и сознательных, получивших звание Героев Соци-

алистического Труда. Первым среди них был, конечно, сам директор строящегося ГОКа, как опытный организатор всех работ, получивший громадный опыт на предыдущих должностях, Сандригайло Николай Фадеевич! И семь работников основных профессий: бригадиры машинистов экскаваторов Ермолович Василий Михайлович, Антошкин Евгений Порфирьевич и Верёвочкин Евгений Иванович, экскаваторщики Петров Леонид Фёдорович и Шпак Анатолий Андреевич, старший машинист обжиговых машин Кузнецов Александр Прокофьевич и единственная женщина среди них, Политкина Александра Ивановна, машинист электровоза. Не зря этими людьми много лет гордится город, да и вся область!

А мы-то приехали уже на готовенькое... Маленький чистенький городок тогда заканчивался улицей Фрунзе, а дальше строился буквально на глазах. Он поднимался не по дням, а по часам, прирастая новыми микрорайонами, которые постепенно благоустраивались пешеходными дорожками, детскими площадками, скверами, цветниками, газонами и фонтанами. Снабжение города комсомольской стройки в те годы было просто замечательным, а очереди были только за книгами, особенно за подписными изданиями. Красивые прямые проспекты, зелёные парки и улицы радовали глаз, город всегда нравился его гостям!

Быстро рос и набирал мощность Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат. Муж нашей героини успел поучаствовать в пуске 11-й и 12-й машин в должности инженера цеха КИПиА, а она после тщетного полугодичного поиска работы устроилась в городскую поликлинику и три года бегала участковой медсестрой, затем перешла в медучилище. За те несколько лет, что проработала там, стали медсёстрами более пятисот десятиклассниц, о которых она знала всё, учила их уходу за больными и часто помогала советами. Как было приятно видеть в любом медучреждении города знакомые лица! А теперь встречает их всё реже и реже... Все давно стали мамами, многие – уже и бабушками, в отличие от неё...

А каких новых друзей обрели они с мужем в новом городе! Две семьи сослуживцев мужа прямо-таки шефствовали над ними. Семья электрослесаря Николая Васелюка жила с ними в одном дворе и приглашала к себе на все праздники. Там впервые им довелось услышать чудное хоровое застольное исполнение украинских и белорусских народных песен. Добрая бабушка приглядывала за их девочкой, а жена Николая Татьяна, тоже медик, просто делилась урожаем с дачного участка. Другая семья – Юрий и Раечка Лубашевы тоже ввели их в свой круг молодых людей. В той интересной и весёлой компании было пять инженеров, приехавших на Кустанайщину из Львова. Талантливые ребята вскоре стали видными руководителями подразделений комбината: Рыбак и Фасуляк – в цехе сетей и подстанций, Сулима – первым начальником ЦТД (цеха технологической диспетчеризации), Боровков вскоре уехал, а Казимирко и по сей день возглавляет ИВЦ.

Родители Раечки, незабвенная чета Трёмаскиных, церемонно приглашали новосёлов к себе на воскресные семейные обеды с обязательными пирогами, всячески старались помочь в бытовых сложностях жизни. И кто же мог тогда предположить, что их приветливый двухэтажный домик на берегу Тобола в закуточке под названием «осиное гнездо», где жило большинство руководителей подразделений комбината и его Героев, лет через двадцать по иронии судьбы станет нашим домом?

И тут же ей на память пришло лето 1983 года, когда муж, поддавшись уговорам друга, начальника отдела снабжения Владимира Квасова, и диспетчеров комбината, взял участок земли под дачку рядом с ними. Ей бы подождать пару годиков, пока встанет на ножки младшая дочка, а целинные участки оборудуют поливным водопроводом, но, соскучившись по земле и надеясь на близость речки, посадила всего понемножку. Наступил сорокаградусный июнь, растения начали требовать много воды и погибать. Новоиспечённая огородница таскала воду в огромных вёдрах, поливая ненасытный песок, кусала губы от боли в плечах и желала только одного – обыкновенного коромысла. В следующее лето и коромысло разыскала у родителей,

и насос уже появился, но руки были безнадежно испорчены и всегда напоминали о себе при тяжелой работе...

Женщина ещё раз вздохнула о прошлом, машинально взглянула на небо, отметив на горизонте небольшую тучку, привычно подняла и подвязала нагнувшийся помидорный стебель к бечёвке, протянутой между металлическими кольями. «Как хорошо придумал и устроил муж эти шпалеры! Теперь, несмотря на густоту, всем растениям хватит солнца», – благодарно подумала она. Признаться, муж не любил огородные работы, но если брался за что-то, то делал это прочно и рационально.

«Золотая головушка у него и руки тоже золотые, да суждено ему думать не об огороде», – продолжала размышлять огородница, осмотрев последний ряд томатов и направляясь к огурцам, чтобы приоткрыть их солнышку. Подобрала укрывной материал со всех сторон парника, подвязала его к одной из опор, осмотрела и поправила плети. Двинулась дальше по дорожке вдоль домика, но, остановившись от новой волны воспоминаний, прислонилась спиной к его нагретой стене. Всё-таки она была благодарна своей женской судьбе, что та послала ей в спутники жизни умного и необыкновенно талантливого мужчину, с которым прожито более тридцати лет. А мужчина этот оказался с непростым и довольно жёстким характером. Несмотря на их многочисленные разногласия смолоду, она интуитивно и безоговорочно верила в него, угадывала его настоящую ценность и знала, что рождён он не столько для семьи, сколько для государства, потому что природой (или породой) ему было отпущено многое.

Редко кто из нас с детства знает своё предназначение, а он знал – радиотехника и всю жизнь был ей верен и развивал свои способности постоянно. Это была его работа и хобби, смысл и образ жизни. Он всегда был в поиске новых радиотехнических идей или в большей рационализации уже существующих. Уже забылись десятки собранных и усовершенствованных им приёмников, телевизоров, магнитофонов, электромузыкальных инструментов, но помнятся те важные вещи, к которым он приложил ум и руки, проработав почти тридцать лет в Соколовско-Сарбайском объединении: металлосигнализаторы на конвейерах, чтобы случайно попавший вместе с рудой металл не портил дорогую конвейерную ленту или дробилки, первое промышленное телевидение, диспетчерские пульта управления, пульт и вся звукотехника в Ледовом дворце, работы по учёту электроэнергии, опрокидывания думпкаров и многое другое. Особо ценна его деятельность в качестве главного инженера, а потом и начальника цеха технологической диспетчеризации и связи после отъезда Сулимы в Россию. Как он строил и доводил до совершенства хозяйство цеха, совмещая это с постоянным и целенаправленным ремонтом, усовершенствованием связи на комбинате, оставаясь неиссякаемым источником технических идей для коллектива, увлекаая ко всему новейшему в радиотехнике своим примером. После его ухода цех жил наработками своего руководителя ещё несколько лет, а идейных катализаторов больше там не наблюдалось...

Жена помнила все его удачи и неудачи: поездки на ВДНХ Казахстана и СССР, медали и дипломы, но и то, как сумма вознаграждения за его очередную научную разработку делилась на тридцать три человека – такова была советская система. С каким трудом вводились его усовершенствования в производство, а многие просто не принимались или откладывались в долгий ящик. Но звание «Почётный радист СССР» в Казахстане имеют немногие, а в Кустанайской области – он один. Всё это женщина делила с мужем много лет.

Наверное, неслучайно муж работал над своими идеями только на кухне, какой бы ни была их квартира, порой мешая ей, но больше не мог ни в какой комнате. И по сей день всегда возле его места у окна на кухонном столе и подоконнике лежат последние записи, схемы, новые журналы, очки, лупа, ручки и прочие нужные предметы.

Тут взгляд женщины, так глубоко ушедшей в воспоминания, остановился на большом дереве черёмухи, радовавшем каждую весну обилием цветов и сильным ароматом. Этот маленький кусочек родины они привезли вместе с берёзкой, пихтой и рябинкой. Вот под черё-

мухой получился уральский уголок: дикая чёрная смородина, купавки и другие травы, случайно выкопанные с деревцами. Да, как быстро бежит время! Судя по черёмушке, они в этом домике живут уже давно, ведь младшенькой тогда было всего четыре года, а сейчас она учится в Челябинске, откуда они прибыли с мужем в Рудный, в Южно-Уральском университете, на приборостроительном факультете, который окончил папа в своё время. И как нестерпимо жаль, что рядом с таким отцом нет сына, и ничего уже не поправишь...

Зато дочери – наша отрада. Старшая – преподаватель теории музыки в прошлом, по законам новой рыночной экономики вынуждена была забыть свою профессию и уже несколько лет работает экономистом в маленькой фирме отца, который в годы перестройки тоже был вынужден уйти с комбината, ставшего частной собственностью. А новый его руководитель Баженов, уволенный когда-то с должности инженера за профнепригодность, терпеть не мог никого умнее себя и поэтому избавлялся от таких кадров любыми путями... И младшая дочь тоже скоро станет единомышленницей и помощницей отцу, когда закончит образование.

Увлечённая своими мыслями огородница не заметила, как усилившийся ветер нагнал уже тёмные тучи над её головой. Гроыхнул раскатистый гром, и дождь застучал по листьям тяжёлыми каплями. Мгновенно усиливаясь, он уже лил сплошной стеной. И вот уже белые холодные комочки начали падать вместе с ним на землю. «Боже, это же град!» – всплеснула руками хозяйка сада и бросилась к огурцам, которые недавно открыла. Она быстро распутала и натянула над растениями укрытие, но дождь уже полностью сменился градом. С неба теперь плотной стеной сыпался ледяной горох величиной с хороший окатыш, диаметром около сантиметра, устилая землю толстым слоем. «Опять мои труды пропали даром!» – отчаянно причитала женщина, собирая горстями холодный горох с просевшего под его тяжестью укрывного материала и бросая в растущую рядом картошку, оглядываясь на баклажаны и кабачки, листья которых уже были пробиты градинами и которым ничем не могла помочь. Мокрое платье прилипло к спине и леденило тело под каскадом градин, вызывая дрожь, но она не замечала этого, лихорадочно продолжая сгребать и бросать комья градин на землю, уже покрытую снегом.

Через несколько минут всё неожиданно прекратилось: туча иссякла, небо очистилось. Открывшееся солнце, как бы извиняясь за промах, начало быстро согревать воздух и землю. Потрясённая только что бушевавшей стихией женщина побежала по огороду, осматривая на ходу растения и осмысливая нанесённый ущерб. И только обежав его весь, остановилась отдышаться, вытирая мокрой косынкой лицо.

«Ну, кажется, не всё пропало: макушки целы, сами растения не поломаны и не перемешаны с грязью, как несколько лет назад от града на даче».

В том году овощи так долго болели после града, что не успели заплодоносить, как лето уже кончилось. С тех пор женщина панически боялась града, который так жестоко и бесцеремонно уничтожал огромную работу и был сродни тем людям, что безжалостно растаскивают пустующие сейчас дома, потому что не научены уважать чужой труд и чужую собственность.

«Ничего, ещё разок подкормлю все растения, и они быстро отойдут», – успокаиваясь, планировала хозяйка огорода, направляясь к дому, чтобы переодеться и окончательно успокоиться. На крыльце она остановилась, ещё раз окинула взглядом «градово побоище» и, уже почти уверовав, что не всё на свете плохо, подняла голову к небу, заслоняя глаза ладонью, как козырьком.

«Будем жить дальше, несмотря ни на что! У нас ещё одно главное дело впереди – дожидаться внуков и помочь их вырастить достойными жителями нашего знаменитого города!» – с этой мыслью женщина опустила руку, повернулась и вошла в дом.

08.2002

Град P. S.

Женщина закрыла свою потёртую объёмную тетрадь и ласково провела рукой по обложке. Эта тетрадь вмещала всю её трудную работу воображения, служа хранилищем черновиков многих строк последних лет, наедине с которой проведено столько ночей...

Да, лет тридцать назад новоиспечённый автор этих стихотворных строк и думать не думала, что будет когда-то писать стихи. За годы трудной жизни она уже почти забыла, как пятнадцатилетней девчушкой пыталась выразить новое чувство, проснувшееся от знакомства с соседским мальчиком. Те первые стихи никто никогда не видел, потому что она их сама уничтожила, когда этот мальчик трагически погиб во время побывки из армии. А ведь они даже и не поговорили ни разу, только смущённо здоровались при встрече...

Как же давно это было... Уже появились и выросли трое внуков, а она давно на пенсии... Годы так неумолимо быстро пробежали, вобрав в себя на ходу всё: учёбу, замужество, работу, рождение детей, радости, любовь, разочарования, слёзы, трудности, горе утраты людей и каких-то прежних чувств. И вот уже исполнилось пятьдесят три года со дня замужества, на пороге старость, а эта вполне перезрелая дама ударилась в поэзию! Нет, не вчера, конечно, а более двадцати лет назад, когда примкнула к кругу интересных людей-единомышленников, увлечённых литературой. Им было доступно всё: и музыка, и живопись, и литература. Город всегда славился своими талантами, его культурная прослойка была очень велика! Здесь жила и живёт целая плеяда художников, журналистов и поэтов разных поколений: Владимир Селезнёв, Яков Дьяченко, Эдуард Черниховский, Зинаида Немцова, Людмила Узбекова, Оксана Оберемко, Алла Гирик, Людмила Каргапольцева, Татьяна Буланова, Олег Осинцев, Сергей Лешаков, Вера Василенко, Касымкаир Дюсембаев, Виктор Стаценко, Валентина Кейдия, Владимир Труфакин, Марина Волкова, Илья Васильев, Владимир Сизёв, Вадим Чичерин, Наталия Соловова, Сергей Петренко, Наталия Богдан, Юрий Вовк и ещё многие, прославившие город своими публикациями даже в союзной и республиканской печати. Городское музыкальное училище под руководством Станислава Гагарина очень ценилось в республике своим преподавательским составом и выпускниками. При Дворце культуры «Горняк» работали свой драматический театр с руководителем-энтузиастом Лилией Гайнутдиновой, известные коллективы народных и бальных танцев во главе с такими же профессионалами супругами Запорожскими – все трое имели звания заслуженных деятелей культуры Казахстана. Там же была прекрасная музыкальная и вокальная самодеятельность. Любимая горожанами певица Анна Ивановна Тимофеева в те годы была тоже удостоена звания заслуженного работника культуры Казахстана, будучи рабочей железнодорожного цеха комбината! И много других талантливых имён хранит память. А она так отстала от них, занимаясь только семьёй, работой, огородом...

Сейчас вот новоиспечённая писательница перечитала свой «Град» и вспомнила ещё многое... Однажды осенью 2003 года она купила республиканский литературно-художественный журнал «Простор», прочла там дневниковые записки 60–70-х годов народного писателя Казахстана и уроженца их Кустанайской области Ивана Павловича Щеголихина, после чего ей стало так стыдно... Оказывается, чрезвычайно занятая тогда семьёй и работой, она пропустила такое важное событие, как пребывание в их городе этого писателя.

А ведь он жил здесь целую зиму, будучи в творческой командировке, с целью описать процесс всесоюзной комсомольской стройки нашего Соколовско-Сарбайского горно-обогательного комбината, предназначенного для поставки сырья Магнитогорскому металлургическому заводу. Он не только интересовался стройкой комбината и нового молодого города, но и встречался с его строителями, с читателями. Только прочитав его дневники, поняла, как трудно Щеголихину дался выпуск романа «Другие зори» о Рудном. Роман вышел сначала в

двух первых номерах журнала «Простор» за 1970 год, в котором он тогда работал в отделе прозы, и чрезвычайно не понравился руководству комбината за предельно откровенную правду в описании процесса стройки и портрета самого руководителя, Сандригайло Н. Ф. А тот уж постарался задействовать возможности своего авторитета Героя так, чтобы роман не вышел к широкому читателю. Мало того, что скупил эти журналы в Рудном, – он поднял общественность в лице всех рудненских Героев Социалистического Труда, партактива, начальников подразделений. И полетели в разные влиятельные органы республики, ЦК Компартии Казахстана коллективные и персональные жалобы на писателя... В результате Ивана Павловича убрали из редакции журнала (хотя такие увольнения «по собственному желанию» случались в биографии Щеголихина за его правдивые творческие и гражданские действия не менее пяти раз!) и приказали рассыпать уже набранную книгу романа, запретив его совсем. Иван Павлович два года был без официальной работы, перебиваясь переводами произведений своих казахских друзей, не оставлявших его в те годы без помощи. Роман «Другие зори» вышел только через двадцать лет, вместе с другим романом, «Старая проза», и под этим названием книги.

Такая несправедливость к писателю настолько расстроила автора сего повествования, что она начала действовать, будучи уже тогда руководителем читательского клуба. Все прочли, бурно обсудили эти дневниковые записки на занятиях клуба, пригласив нескольких ветеранов и Героев Соцтруда города, и написали коллективное извинительное письмо автору романа. И писатель ответил им! В своём тёплом ответе Иван Павлович писал, что рад такому отклику, хотя и через тридцать три года после тех неприятностей, но тогда он знал, на что шёл! С тех пор она иногда, не докучая уже известному народному писателю Казахстана, члену сената, писала о городе и о людях, поздравляла с днём рождения, передавала небольшие посылочки с оказией, а он, в свою очередь, подарил клубу несколько книг с автографами. В годы юбилеев комбината и города женщина неоднократно просила профком пригласить Ивана Павловича в качестве почётного гостя на торжества как единственного писателя, отразившего город в художественной литературе, но этого не случилось...

А годы всё шли... Её талантливый в теле- и радиотехнике муж, занимавший пост начальника цеха, требовавший и дома подчинения, не терпел никаких её увлечений (типа чтения беллетристики – только по профессии!), кроме шитья, вязания и работы в огороде, что было необходимо при сравнительно небольших тогда зарплатах. Да и не было времени среди этих нескончаемых дел для увлечений, только для чтения она иногда выделяла хоть часок, отрывая его ото сна, который и так всю жизнь был краток. Правда, после гибели маленького сына почти год не спавшая ночами мать пыталась писать короткие рассказы, особенно о тяжёлой жизни пожилых людей, которую наблюдала в качестве участковой медсестры несколько лет. Даже понесла их в редакцию газеты, где ей посоветовали прийти в литобъединение при газете, чтобы подучиться... Как же зря она постеснялась и не пошла туда, ведь тогда её путь к литературе был бы немного короче...

Потом от этой же бессонницы мать занялась составлением кроссвордов (сначала по произведениям любимого писателя Ивана Ефремова), чтобы попасть на телепередачу – передать приветы и свои извинения подругам из Болгарии за то, что внезапно бросила с ними переписку. Но пока её не спешили (более одиннадцати лет) вызывать на телевидение, кроссворды брала для печати городская газета «Магнетит» с лёгкой руки редактора Дины Сергеевны Образцовой. О ней узнали горожане, да и в клуб пригласили именно по этому увлечению.

Заразившись активностью от членов клуба, она и начала писать стихи, почувствовав уже серьёзную тягу к ним. Стали возникать вопросы, требовавшие изменить отношение к ним в жизни... Иногда строки складывались на ходу, во время домашней работы. Сначала не обращала на это особого внимания, но, когда приходили четверостишия, стала их всё-таки записывать. А чтобы в свои лета не выглядеть смешным и наивным рифмоплётком, всё же пришла к необходимости изучения правил стихосложения. Когда стихов накопилось приличное коли-

чество, то двоюродный брат, занимавший должность декана в университете Магнитогорска, напечатал небольшой сборничек к её юбилею, сделав таким образом необычный и приятный подарок.

После этого сборника она как автор уже не стеснялась почитать стихи соклубникам и сослуживцам. К следующему юбилею сама сознательно готовила к печати свой настоящий сборник стихов, пройдя ступени их признания.

Нельзя сказать, что годы её жизни протекли беззаботно и счастливо за спиной мужа. Не обошли стороной и болезни, перечислять длинный список которых не имеет смысла, но серьёзную операцию на сердце пришлось перенести более десяти лет назад в Астане не на пустом месте...

Интерес к литературе с годами не угасал, а рос, поэтому появилась ещё одна книжка стихов. Неожиданно кустанайский поэт и основатель литературного объединения «Ковчег» и журнала «Берега» Владимир Растёгин предложил и уговорил возглавить новое литературное объединение в её городе. Новая руководительница так увлеклась работой с авторами, особенно начинающими, что решила даже продолжить самостоятельно выпуск собственного сборника рудненских авторов «Литературный горизонт», ранее печатавшегося в Кустанае, но заглохшего после кончины Растёгина.

Теперь «Рудненский меридиан» – её любимое детище, которому она отдаёт свои силы, энергию и всё свободное время. И, значит, жизнь продолжается!

11.2019

Ханох Дашевский

Ханох Дашевский – поэт, переводчик, писатель и публицист. Член Союза русскоязычных писателей Израиля (СРПИ), Международного союза писателей Иерусалима, Международной гильдии писателей (Германия), Интернационального Союза писателей (Москва), Союза писателей XXI века (Москва), литературного объединения «Столица» (Иерусалим). Родился в Риге. Учился в Латвийском университете. В 1971–87 гг. участвовал в подпольном еврейском национальном движении. В течение шестнадцати лет добивался разрешения на выезд в Израиль. Был под постоянным надзором репрессивных органов, неоднократно привлекался к допросам. Являлся одним из руководителей нелегального литературно-художественного семинара «Рижские чтения по иудаике». В Израиле с 1988 г. Автор шести книг поэтических переводов и романа «Дыхание жизни». Лауреат премии СРПИ им. Давида Самойлова, номинант на премию Российской гильдии мастеров перевода.

Дыхание жизни

Роман

Книга вторая. «Долина костей»

отрывок

Михаэль, восемнадцатилетний юноша из Риги, в августе 1941 года участвует в обороне Таллина, а затем, чудом уцелев при переходе Балтийского флота в Кронштадт, с приключенческими добирается в Нижний Новгород (Горький), где формируется Латышская стрелковая дивизия.

* * *

Михаэль лежал на снегу, подстелив под себя несколько хвойных веток. Исходные позиции батальон занял ночью, но уже рассветало, и начала атаки можно было ждать с минуты на минуту. Четыре месяца прошло с последнего боя, в котором он участвовал и был ранен. Тогда, в августе, война шла в эстонских лесах и на мощённых камнем, пропахших дымом и порохом улицах Таллина, а сейчас стоял декабрь, и впереди простиралось, насколько хватало глаз, заснеженное подмосковное поле. Но изменился не только пейзаж. В судьбе Михаэля тоже произошли изменения.

Переправившись под бомбами на старом буксире через Ладогу, Михаэль ещё десять дней добирался до Горького. Несмотря на то что у него имелось предписание, очумевшие и измотанные железнодорожники не обращали на бумажку никакого внимания, солдатские эшелоны шли в противоположном направлении, и оставались только обычные поезда, набитые эвакуированными и просто бежавшими подальше от приближавшейся линии фронта гражданскими людьми. Попасть в такой поезд было почти невозможно, а если всё-таки удавалось, то приходилось стоять. А кроме того, надо было не перепутать направление. Карты у Михаэля не было, он плохо представлял себе, где находится пункт назначения, и всё же ему повезло. В Вологде, куда Михаэля привёз товарный состав, ему удалось забраться в тамбур и чудом попасть в вагон шедшего до Костромы переполненного до отказа поезда. И стоять бы Михаэлю всю оставшуюся дорогу, если бы какая-то круглолицая девушка в платке, из-под которого выбивалась светлая прядь, не притянула его к себе и не усадила, вынудив слегка потесниться своего пожилого соседа, хотя двигаться было некуда. Так он оказался на нижней полке, вплотную ощущая молодое женское тело и сгорая от смущения. В Риге у него не было подруг, даже с соученицами по гимназии общение было мимолётным, хотя Михаэль не раз ловил заинтересованные девичьи взгляды. Не зная, с чего начать разговор, он молчал, и где-то через полчаса, видимо, потеряв надежду, что парень откроет рот, девушка заговорила сама:

– Меня Клавдией зовут. Клава, значит. А тебя как?

Михаэль успел убедиться, что странное для русских произношение его имени вызывает вопросы, и постарался их избежать.

– Михаил.

– Михаил, – повторила Клава. – Стало быть, Миша. Ты откуда, солдатик? Вроде как в другую сторону от войны едешь?

У неё было непривычное, окаяющее произношение.

– Я уже воевал, – не вдаваясь в подробности, ответил Михаэль. – Под Таллином. Был ранен, получил отпуск. Сейчас еду в Горький, потом – снова на фронт.

Он понимал, что в невероятной тесноте вагона нужно говорить о себе как можно меньше.

– Ну а сам-то? Сам откуда будешь?

– Из Латвии. Из Риги.

Михаэль отвечал односложно. К ним уже прислушивались. Какой-то мужик, примостившийся на верхней полке, даже свесил голову вниз.

– Из Латвии? – переспросила Клава. – Тогда понятно. По разговору твоему. Говоришь вроде правильно, да как-то не по-нашему. Значит, латыш?

Михаэль сделал неопределённый жест. В такой обстановке среди случайных людей он не мог и не хотел откровенничать.

Клава поняла это по-своему. Она перестала донимать Михаэля расспросами и стала рассказывать о себе. Сама она из Вологды. Отец и брат воюют, а до войны оба на одном заводе работали. Матери нет, а с мачехой она не ладит, потому и едет к сестре. Тоже в Горький – стало быть, им по пути. Сестра её Лиза на «Красном Сормове» работает, в сборочном цеху. И Клава там работать собирается.

Сормово! Михаэль уже слышал это название...

– Друг у меня, моряк. Вместе воевали под Таллином. Так он тоже на этом заводе работал.

– А где он сейчас?

– В Кронштадте.

– Правда? И мой жених где-то там. На фронте под Ленинградом.

Михаэль не знал, почему его кольнуло упоминание о женихе. Неужели эта разговорчивая девица ему нравится? А Клавдия тем временем спохватилась:

– Господи! Ты же голодный! Сейчас покормлю.

Это было как нельзя кстати. Михаэль умирал от голода. Последнюю банку полученных в Кронштадте консервов он съел ещё утром, и у него оставался только хлеб – меньше полбуханки. Это надо было растянуть до конца пути, и тут появляется Клава с корзинкой. А в ней – домашняя еда. Не захочешь – поверишь в чудеса.

Нужно было есть неторопливо, зная себе цену, как подобает бывалому бойцу, но от голода сводило челюсти. Неторопливо не получалось. Содержимое корзинки таяло, и Михаэль спохватился лишь тогда, когда понял: ещё немного – и у Клавдии не останется ничего. Вино вато посмотрев на девушку, он протянул обратно корзинку:

– Извини! Совсем о тебе забыл.

Но Клава не расстроилась.

– Ты пока ешь. В Кострому приедем – раздобудем чего-нибудь. Есть у меня ещё еда, да не могу её трогать. Сестричке везу. Она, бедная, с ребёночком мыкается. Муж-то её без вести пропал. А ей говорят: пропал – значит в плен сдался. По этой причине и помощь ей как жене фронтовика не положена, – серьёзно и с горечью заключила Клава.

Она хотела ещё что-то сказать, но относительная тишина, установившаяся в ночном вагоне, была нарушена какой-то вознёй. В проходе возник мужской силуэт. Не обращая внимания на узлы, чемоданы и ноги пассажиров, мужчина пробрался внутрь. Бесцеремонно прижав к стенке сидевшую у окна на противоположной полке женщину, он втиснулся рядом с ней. Женщина пыталась протестовать, но наглый тип ткнул её в плечо:

– Заткнись, толстуха!

И принялся бесцеремонно разглядывать Михаэля и Клаву. Увидев в руках Михаэля корзинку с едой, новоявленный сосед ослабил:

– Эй, рыжий! А много не будет? Поделится бы по-христиански.

– Это с тобой-то делиться? – ответила за Михаэля Клава. – Ты и так с центнер весом. Обойдётся, не похудеешь.

Нахал и в самом деле был таких размеров, что не мог вместиться полностью и сидел полубоком.

– Да уж покрепче твоего шпингалета. А с этим делом у него как? Помощь не нужна? А то я всегда готовый.

– Ты бы лучше на фронте себя показал! – вспыхнула Клава. – Там люди головы кладут, а такой матёрый детина в тылу ошивается!

– А у меня от войны освобождение. Я по здоровью к армии непригодный, – ухмыльнулся непрошенный собеседник. – Ну так как? Хочешь фартового мужика? У тебя таких точно не было. – И, перегнувшись, положил ладонь на колено Клавы. Михаэля он игнорировал, как видно, сразу решив, что тот неопасен.

Дело принимало плохой оборот. Требовалось что-то предпринимать, но Михаэль не решался. Ему легче было вместе со всеми идти в бой, чем оказаться со злом один на один. Он и боксом стал заниматься из-за того, что не хватало ему уверенности в себе. Клаве удалось сбросить ёрзавшую по колену ладонь, но негодяй навис над ней, пытаясь поцеловать в губы. Вокруг реагировали по-разному. Одни возмущались, другие делали вид, что происходящее их не касается. Мужчина на верхней полке даже отвернулся к стене, всем видом давая понять, чтобы на него не рассчитывали. Михаэль понял: если он сейчас, сию минуту не вмешается, в нём разочаруется не только Клава, но и сам он будет презирать и ненавидеть себя. Только не тянуть. Как говорил Юрис в Эстонии: «Прикладом действуй, штыком, да хоть палкой». Главное – действовать.

Палки под рукой не было, но ненавистный живот был перед глазами. От удара в солнечное сплетение здоровяк переломился, хватая ртом воздух, а Михаэль, схватив за руку Клаву, бросился в проход, спотыкаясь и задевая людей. За спиной они слышали голос, обещавший, сквозь матерную брань, оторвать Михаэлю ноги. Неожиданно поезд замедлил ход. Показалась большая станция, и Клава с Михаэлем выскочили на перрон. Выскочил и преследователь и бросился за ними. Обернувшись, Клава увидела в его руке нож и закричала:

– Помогите! Милиция!

Человек с ножом настигал, но милиционер уже бежал к ним, на ходу расстёгивая кобуру. Преследователь остановился, изображая страх, а сам сжимал нож, лезвие которого прятал в рукаве пиджака. Это видели Михаэль и Клава, но не видел молодой неопытный милиционер. Выстрелив в воздух, он подбежал к бандиту и почти сразу же упал на спину, широко раскинув руки. Вокруг не было никого. Все теснившиеся на перроне люди бросились к подошедшему поезду, надеясь попасть в вагоны. Убийца рванулся в противоположную сторону, но оттуда уже бежали на выстрел солдаты военного патруля во главе с офицером. Михаэль увидел летящий в его сторону предмет, но лишь тогда всё понял, когда начальник патруля подобрал лежавший у его ног окровавленный нож. Бандит, как ни в чём не бывало кивнув на Михаэля, прокричал офицеру:

– Товарищ лейтенант! Это он убил!

В ту же секунду патруль скрутил растерявшегося от неожиданности Михаэля. Клава ахнула.

– А вы кто будете, девушка? – спросил лейтенант. – Вы что, были с ним?

– Да не убивал он, товарищ офицер! – закричала Клава. – У него и ножа-то не было! Вот этот убил, здоровый. А нож подбросил. Он бандит.

Но державшийся уверенно и спокойно убийца только рассмеялся:

– Да врёт она, дура малохольная. Этот рыжий её охмурил. Он вообще нерусский. Вы бы документы его липовые проверили. Заслали его к нам, не иначе...

– Проверим, – пообещал лейтенант, – и твои заодно. Ведите их в отделение.

Старший лейтенант милиции Рагозин находился в должности две недели. Оставшись хромым после ранения в ногу под Лугой, он был комиссован и прямо из госпиталя направ-

лен на узловую станцию начальником милиции. Людей не хватало, времени на их подготовку не было, и бывший строевик-пехотинец очень смутно представлял себе, что и как он должен делать. В распоряжении Рагозина находились двое: старшина Иван Иванович, солидный пятидесятилетний мужчина, единственный кадровый милиционер, и молоденький сержант, полчаса тому назад убитый таким же, как он, молодым, но подозрительным типом в солдатской форме по имени Михаэль Гольдштейн. Так было обозначено в документах.

В том, что убил именно Гольдштейн, Рагозин сомневался мало. Воевал он в стрелковом корпусе, сформированном из подразделений довоенной латвийской армии, а попал туда Рагозин потому, что большинство солдат и офицеров корпуса – латышей дезертировали. Он ничего не знал ни о Рабочей гвардии, ни о латышских добровольцах в Эстонии, но был уверен, что латышам доверять нельзя. А парень – латыш. Вот и убил. Что тут неясного?

– По законам военного времени мы тебя без суда расстреляем, – без злобы, но твёрдо сказал старший лейтенант, – и разбираться не станем. Не до разборок сейчас. У тебя что написано? Гольдштейн Михаэль, боец латышского стрелкового полка. А на самом деле какой ты боец? Ты – латышский фашист, убивший советского милиционера. Повидал я ваших на фронте. Враги. На моих глазах целый корпус дезертировал.

– Но ведь я не латыш, – дрожащим голосом стал оправдываться Михаэль, понимая, что расстрел на месте – не шутка и что начальник именно так и поступит, – я еврей. Только родился в Латвии. Зачем мне милиционера убивать? Нас самих фашисты убивают...

– Вот-вот. Родился в Латвии – значит, своим помогаешь, – никак не отреагировав на еврейское происхождение Михаэля и не дослушав, сказал Рагозин. – Пробираешься в советский тыл. Зачем? Для диверсии?

– Там же сказано, в документах: после ранения направляется в Горький, в формируемую Латышскую дивизию.

– Товарищ милиционер, – вмешалась находившаяся в комнате Клава, – да говорю же я вам: не убивал он! Тот бандюга убил. Я всё видела. Вы лучше его проверьте.

– Им старшина занимается. Тебя саму ещё не проверили.

– Но он же гнался за нами.

– Потому и гнался, что дружка твоего заподозрил. Значит, так, гражданка. Разговаривать с тобой некогда. Вот тебе бумага – и пиши всё, как было. Ну что там, Иван Иванович? – спросил Рагозин входившего старшину. – Выяснил?

– Да вроде как в порядке бумаги, только, сдаётся, это лицо я уже где-то видел. А где – не припомню пока.

– Да и неважно, – отмахнулся Рагозин. – Ну что, давай и того мужика сюда. Пора закрывать эту тему. По-моему, всё понятно. Николай к сопляку этому, солдатом переодетому, побежал. Думал, что свой, что помощь нужна. А тот его коварно – ножом.

– Товарищ начальник, – подняла голову Клава, – ведь он, милиционер ваш, не к нам бежал, а прямо к смерти своей, к гаду этому. – И Клава показала на появившегося в сопровождении старшины лоснящегося мордovorота. – Он ко мне приставал в поезде, а Михаил заступился. Что же вы, советская милиция? Хотите казнить невинного? Разберитесь сначала.

– Разберёмся, – жёстко ответил Рагозин, хотя несколько минут тому назад заявил, что разбираться не станет, – только нет у нас времени длинное следствие проводить. А комсомолец Николай Мещеряков мёртвый лежит, и я обязан сказать его матери, что убийца её сына понёс заслуженную кару. У парня здоровье было плохое, его на фронт не брали, так он добился, чтобы в милицию приняли. И погиб сегодня от вражеской руки...

– Товарищ начальник, – вдруг заговорил до сих пор молчавший старшина, – я запись одну в журнале не сделал. Давайте внесу, а то забуду потом.

– Какую запись, старшина? – недовольно переспросил Рагозин. – После запишешь.

– Так забуду, – настойчиво продолжал Иван Иванович. Сделав запись, он протянул её старшему лейтенанту. Тот, раздражённо взглянув, хотел отбросить журнал, но, скользнув взглядом по записи ещё раз, изменился в лице и посмотрел на старшину. Этим воспользовался внимательно следивший за ситуацией бандит. Одним ударом, демонстрируя бычью силу, он вышиб закрытую дверь и выскочил в заполненный народом станционный зал. Промчавшись с неожиданной для его комплекции прытью по вещам и конечностям сидевших и лежавших в проходах людей, он исчез раньше, чем опомнившийся старшина выбежал вслед за ним. Рагозин, проклиная свою хромоту, ковылял сзади.

Спустя несколько часов Михаэль и Клава уже сидели в поезде, шедшем в направлении Ярославля. Оттуда им нужно было спускаться по Волге до Горького. Оказавшись вновь лицом к лицу со смертью и чудом её избежав, Михаэль молчал. Молчала и Клава, только гладила его руку. Перед тем как посадить их в приближавшийся состав, который уже готовилась штурмовать толпа, Иван Иванович сказал Михаэлю:

– Благодарю судьбу, парень, что я физиономию этой мрази вспомнил. Он же в розыске у нас, известный уголовник. Документы на другую фамилию выправил, да так, что не придерёшься. Как-то раз его в Рыбинске поймали, только ушёл, подлец. И вот сегодня опять. Не поглядят по головке нас за это. Одно хорошо: помиловал Бог. Не позволил взять грех на душу...

И теперь, лёжа на снегу, Михаэль вспоминал о том, как странно вела себя Клава при расставании. Ещё на пароходе она порывалась что-то ему сказать и всякий раз замолкала. Михаэль объяснял нерешительность далеко не стеснительной Клавой существованием жениха. Ну конечно! Она же дала ему слово. Так или не так, но их прощание на горьковской пристани вышло коротким и скомканным. Едва Михаэль начал что-то говорить, как девушка бросилась к нему, поцеловала в губы и, не оглядываясь, пошла прочь, не оставив своему спутнику ничего, кроме воспоминаний и не испытанной им раньше острой и сладкой сердечной боли. Прошли месяцы, боль отступила, но воспоминания остались. И в Гороховецких лагерях, где формировалась дивизия, Клава часто являлась ему по ночам, пока её образ не начал стираться из памяти. Единственное, что не забывалось, – упавшие на плечи светлые волосы (на пароходе Клава сняла платок, и Михаэль увидел её богатство) и большие зеленовато-серые глаза, чем-то похожие на глаза его матери, он сразу уловил это сходство, и всё-таки другие. А вдруг она появится, придёт навестить? Ведь она же здесь, в Горьком. Но Клава не появилась.

Почему она ничего не сказала, даже адреса сестры не оставила? Неужели всё-таки из-за жениха – или была другая причина? Даже не имея никакого опыта в любви, Михаэль чувствовал, что понравился Клаве. А что, если она не хотела признаваться первой, ждала, когда он заговорит, но не дождалась, убежала? Какой же он дурак! Даже не попытался её вернуть. А с другой стороны – наверное, правильно всё. Ведь он не такой, как эти люди, хотя и говорит на их языке. Он – еврей, а кроме того, родился в другой стране и даже здесь, на войне, не изменил своих убеждений. Он и в Палестину уедет, если останется жив. О том, как он уедет из закрытого на замок СССР, Михаэль не думал. Он верил, что после войны многое изменится. А Клава – плоть от плоти этого необъятного края, который называют Россией. И надо постараться её забыть. Так говорит разум. Разум прав, вот только сердце ноет и ноет.

Но если совсем забыть не удавалось, то со временем Михаэль стал реже вспоминать Клаву. То, что случилось с ним в Латышской дивизии, было не менее удивительно, чем события, в которых он участвовал раньше. В полной уверенности, что он так и будет воевать рядовым солдатом, предстал Михаэль перед своим бывшим командиром и решил, что ослышался, когда после приветствий, объятий и комиссарского обеда Юрис сказал:

- А приказ на тебя уже заготовлен.
- Какой приказ? – не понял Михаэль.
- О твоём назначении. Будешь заместителем политрука роты.

– Но я же ничего не... – от удивления Михаэль не мог найти подходящее слово. Заместитель политрука – это кто? Агитатор? Но при чём здесь он? Какой из него агитатор, какой политрук? И комсомолец он случайный, не такой, как покойный Бина и другие идейные коммунисты.

– Не знаешь и не умеешь, – закончил за Михаэля Юрис. – Ничего, осилишь. Поможем. Правда, я просил направить тебя в дивизию как переводчика. Но у нас не ты один немецким владеешь, а вот с политсоставом хуже. Ты комсомолец, с образованием, в огне побывал и себя проявил. И в комсомол вступил на фронте. Так что давай. Пойдёшь на курсы политработников, офицерское обмундирование получишь, и не смотри, что в петлицах сержантские треугольники. Зато на рукавах комиссарские звёзды и португеза через плечо, – улыбнулся Юрис. – Заместитель политрука – это звание.

Обмундирование было летним, и пришлось здорово помёрзнуть, пока перед выступлением на фронт им не выдали зимнее. В нём Михаэль и лежал теперь на снегу в ожидании атаки, совсем недалеко от командира роты. На другом фланге находился непосредственный начальник Михаэля – ротный политрук, бывший латвийский политзаключённый Эвальд Берзиньш. А командир, лейтенант Борис Меерсон, был евреем, серьёзное наличие которых в национальном латвийском подразделении дало повод одному из уважаемых членов правительства Советской Латвии задать недоумённый вопрос: «Это что, латышская дивизия или синагога?» Но в «синагоге» были не только еврей-коммунисты. Здесь находился весь спектр: от бывших социал-демократов до сионистов, которым приходилось тщательно скрывать свою прежнюю деятельность. Евреи всех политических оттенков, во времена независимой Латвии ожесточённо спорившие друг с другом, на фронте должны были демонстрировать полную лояльность и преданность советскому строю. И если одни делали это по убеждениям, то другие объясняли себе, что это необходимо для борьбы с нацизмом, потому что только Советский Союз и Красная армия могут сокрушить Гитлера.

Среди последних был и Михаэль. Надев форму заместителя политрука, он не мог отделаться от ощущения, что вместо него стал жить и действовать другой человек. Михаэль понимал, что играет несвойственную ему роль, но, вступив в Рабочую гвардию, а потом в комсомол, ясно сознавал, что должен идти до конца. До победы над общим врагом. А тогда, вертелась всё та же мысль, начнётся другая жизнь, ворота в Палестину откроются, семья соберётся, и они уедут. Надежду вселяло и начавшееся наступление. От Москвы до Латвии недалеко. Если всё пойдёт хорошо – через два-три, ну четыре месяца они могут быть в Риге.

А пока Михаэль хрустел новенькой португезей, гордясь помимо воли своим положением. Он даже пожалел, что Клава не видит его сейчас. Но Михаэль не знал, что его назначение не так легко досталось Юрису. В политотделе тому прямо сказали:

– Послушай, старший политрук! Ты, конечно, комиссар батальона, но в твоей третьей роте кроме командира ещё дюжина евреев. Даже на занятиях по-еврейски говорят. Куда уж больше! Направь Гольдштейна в другое подразделение.

– Но мне нужен замполитрука именно в третьей роте, – не сдавался Юрис. – С каких это пор в Красной армии процентная норма?

Пришлось обратиться к комиссару дивизии, который и вынес вердикт, сопроводив его комментарием:

– Заместитель политрука – не штабная должность, а на передовой пули не разбирают, кто еврей, а кто нет.

Появившаяся в небе жёлтая ракета возвестила о начале атаки. Михаэль знал о поставленной батальону задаче. Нужно было преодолеть снежное поле и захватить плацдарм – деревню на другом берегу реки Нара. Ещё прежде, чем удалось под миномётным огнём пересечь поле, многие остались лежать на земле, и среди них – политрук Берзиньш. Теперь его обязанности должен был выполнять Михаэль, но он и так уже сорвал голос, поднимая в атаку старавшихся

зарыться хотя бы в снег обезумевших от минного воя людей. Михаэль чувствовал, что и сам скоро не выдержит. Неподалёку разорвалась мина, и он опустился на колени, прикрыв руками голову, когда над ухом раздался голос батальонного комиссара:

– Ты что?! Что с тобой?! Ранен?!

Ответить Михаэль не мог, он только завертел головой.

– Так вставай! Что разлётся?! Ты же политрук! – И Юрис, ухватив Михаэля за плечи, рывком поднял его с колен. – Вперёд! За Родину, за Сталина – вперёд!

– Ура! – неожиданно для себя закричал Михаэль, по инерции устремляясь вперёд. Поднялись и побежали за ним находившиеся рядом бойцы, но Михаэль смотрел только на простирившееся перед глазами белое, испещрённое воронками пространство, за краем которого уже проглядывала ледяная полоса приближавшейся Нарвы. Он не увидел, как упал и остался лежать командир роты, как, покачнувшись, опустился на снег Юрис, он продолжал бежать, думая о том, что лёд на реке наверняка повреждён минами и переправиться будет трудно. И когда появились этот искорёженный лёд, заполненные тёмной водой полыньи и лежащие между ними неподвижные тела в маскхалатах и без них, очередной разрыв, который Михаэль не услышал, приподнял его над землёй и отбросил в сторону, погружая сознание в чёрный провал беспомощности.

Надя Ибрагимова

Надя Ибрагимова родилась и провела, как считает, счастливое детство на Волге, в г. Казани. Родители были для неё образцом трудолюбия, честности и любви к людям. Она родилась, когда им было по двадцать три года, и жизнь только начиналась. Папа (певец Ренат Ибрагимов) был ещё студентом консерватории, а мама (Тамара Сергеевна) уже работала после окончания финансового института. В период становления и роста творческой карьеры отца к ним в гости приходили интересные люди: музыканты, композиторы, художники. Надя хорошо помнит репетиции песни «В краю магнолий» композитора Александра Морозова и поэта Юрия Марцинкевича, встречи с творческими людьми: композитором Рустэмом Яхиным, преподавателем оперного вокала Светланой Н. Жигановой (дочь композитора и общественного деятеля Назипа Г. Жиганова).

Среди её родственников почти все любили петь, играть на музыкальных инструментах.

Ещё учась в музыкальном училище, девушка сочиняла мелодии и песни. Но в 90-е гг., в эпоху разрухи и перестройки, отошла от музыки и принялась изучать юриспруденцию, как и многие в тот период. Жила в Москве до 2009 г. В Москве она училась и работала.

В 2009 г. Надя переехала во Францию. Здесь она увидела красоту жизни, комфорт и называет этот период рассветом своей жизни. За последние три года написала много песен и стихов: открылся творческий канал. Сейчас Надя поёт целыми днями, мечтает выступить на сцене.

Туман

Сиренево-серый туман
Закрыл мне поля голубые,
И месяц, как светлый обман,
Затиснулся в дали морские.
Томится корабль в тишине,
С приливом волна набегает.
Я думаю вновь о тебе.
Мечты мне туман навевает.
В заутренней мгле тишины
Русалка вдали всё хохочет.
И нету уже той любви!
Душа лишь вернуть её хочет...

Зима немая

Тихо-тихо-тихо листья падали,
медленно кружились прямо до земли,
в воздухе парили, как на празднике,
ты на них сейчас посмотри.
Падает лист, кружится он до земли,
кругом листва сухая,
падает лист, ты на него посмотри –
зима пришла, зима немая.
Нету любви, уже мороз за окном,
осень нам дни считает.
Всё побелело, всё окутано сном,
зима пришла, метель пугает.
Длинные ночи заколдуют нас льдом,
снегом всё засыпая.
Дни без тебя летят забывчивым сном,
зима пришла – разлука злая.
Побелело всё, и ночи длинные.
Вянут листья, краски тают дивные.
Снегом заметая одиночество,
я тебя найду – мы вдвоём.
Падает лист осенний, скоро зима
белым всё застиляет.
Падает лист, увидит только луна,
как без тебя любовь скучает...
День опустел, запорошило дома,
осени лист сметая.
Заледенело всё, и вьюга без сна.
Зима пришла, зима немая.
День нас разбудит, очарует мечтой,
тихо на снег ступая.
День проходящий – он короткий такой,
зима пришла, зима немая.
Я отпущу обиды, зло всё прощу,
снег под ногой сминая.
В снежную бабу я мечты превращу.
Их зачарует зима немая...

Стихи, написанные после лекции Садхгуру

Я – везде

Я – и травинка, я – и осока,
я – и колючка земная.
Я – и звезда, что там светит высоко,
тихим мерцанием сияя.
Я – и цветок, что раскинулся нежно,
солнца лучи обнимая.
Я – и росток, что в пустыне безбрежной
тянется, влаги не зная.
Я – и то облако, хмурия насупясь,
дождик зовёт неизбежный.
Я – и тот парус, что, важно надувшись,
гонится ветром надежды.
Я – и та птица, что тихо щебечет,
нежно птенцов обнимая.
Я – и весна, что зарницами блещет,
бусы цветов рассыпая.
Я – и река та, что плещется громко,
сушь половодьем сменяя.
Я – и тоска, что нахлынет жестоко,
сменит все образы рая.
Я – и тот крабик, что тихо, украдкой
пятится, вниз уползая.
Я – и раздолье, что небом безбрежным
светит, лучами сияя.
Я – и тот сон, что, проснувшись однажды,
жизнь мою вмиг изменяет.
Я – и нектар, что там зреет неспешно,
дивно цветок наполняя.
Я – и травинка, я – и гора.
Я – и стихия морская.
Солнце, что блещет, река, синева
Неба, росу отражая.
Кедры в дубраве, ландышей всход,
сбор спелой сливы осенний.
Первого снега робкий приход,
дня новолуния рожденье.
Я – и везде! Что поёт в поднебесье,
ангельским хором сияя.
Я – и нигде, что забыто в Полесье,
облаком мха обрастая.

Любовь

Чудесных слов переплетенье,
Красивых звуков череда...
Как в бусах тонких, вдохновенье
Таит в себе любви слова.
Слова любви, слова печали,
Слова красивых, чудных снов...
И словно чайки прокричали:
«Пришла любовь! Пришла любовь!»

Ты ушёл...

Мне теперь не до астрала,
Мне теперь не до мечты.
Я стихи писать устала,
Дуновенье пустоты...
Ты ушёл... Ну где же очи,
Что томили день за днём?
Ты ушёл, мне трудно очень.
И стихи тут ни при чём.

Природа

Россыпи сирени озарили лес.
Чахлый снег последний уж давно исчез.
Быстро устремляясь, воды ручейка
Вдаль бегут, касаясь мокрых трав и мха...

Вспоминай *Слова песни*

Я иду тропинкой быстро по сугробам чистым-чистым,
Всё, что было раньше, – это ложь.
Ты один меня встречаешь, изучаешь, изучаешь.
За изменой счастье не вернёшь...
Нет любви, нет любви, нет любви –
Говоришь ты быстро.
Нет любви, нет любви –
Говоришь, – и прощай!
Ты сказал: нет любви!

Но глаза твои чисто-чисто
Излучают, поют и кричат:
Вспоминай!

Ночь уже не за горами,
И тропинка между нами,
Как по краю бездны, пролегла.
Ни словами, ни стихами,
Ни мольбами, ни слезами
Тебе объяснить я не смогла.
Не смогла, не смогла, не смогла
И теперь жалею.
Что былые мгновенья – они словно ложь.
Но мечтаю, зову я любовь
И сказать не смею,
Что раскаяньем верность уже не вернёшь!

Миленский *Слова песни*

Нет любви и нет мечты,
Ощущенье пустоты,
Ощущенье катастрофы.
Милый, милый, где же ты?
Одинокая луна
Тихо смотрит из окна.
И моей мечтой о счастье
Озарилась тишина.
Где мой миленский идёт,
Снег пушистый упадёт.
Снег пушистый, снег лучистый,
Где мой миленский идёт.

Где мой милый, где мой званый,
Где мой суженый живёт.
На пороге снег неожиданный,
Нет тропинки у ворот!
Я тропинку протопчу,
Снегу громко прокричу:
«Не хочу ходить одна я,
Милого назад хочу».
Пусть со мною посидит он,
Чаю выпьет, и тогда
Серый месяц лишь сердито
Подглядит нас из окна.

Где мой миленский живёт,

Снег пушистый упадёт.
Снег пушистый, снег лучистый,
Где мой миленький идёт.
Я ль тебя не целовала у высоких у ворот?
Я ль тебя не ожидала?
Где мой миленький идёт?
Где мой милый, где мой званый,
Где мой суженый живёт?
На пороге снег неожиданный,
Нет тропинки у ворот.
Я тропинку протопчу!
Снегу громко прокричу:
«Не хочу ходить одна я!
Милого назад хочу!»

Льдинка *Слова песни*

Тают все сосульки, капают дома.
С нами распрощалась матушка Зима.
Мимо белой стужи, от суровых зим
Я иду по улице один.
Тает льдинка, тает, не метёт метель.
К нам весна стучится, капает капель.
Тает льдинка, тает, исчезает прочь.
И мороз не может ей помочь.

Льдинка-льдинка тает, и текут дома.
Снег весь исчезает, и ушла зима.
Льдинка-льдинка тает, не метёт метель.
И уже на улице капель.
Исчезает льдинка, будет скоро май.
Лучик-лучик ясный, ты нас выручай.
Льдинка-льдинка тает, не метёт метель.
И уже на улице апрель.

Расцветала вишня *Слова песни*

Расцветала вишня рядом у окна,
И опять, тоскуя, я стою одна.
День дрожит рассветом, ему невдомёк,
Что та радостная ночь унесла сомненья прочь...
До рассвета ночь хранила все секреты,
Отпустила, унесла с собой под утро ветром.

Тайной связана с луной, и безответно
Сохраню, сберегу, я любовь твою приму.
Нас с тобою унесла река сомнений,
Оставляя нам взамен всего лишь тени.
Ожидания весны ведь не напрасны,
Ты со мною пойдёшь, от любви ты не уйдёшь.

Расцветала вишня, золотой денёк.
Налетали птицы к нам на огонёк.
Быстро уходила долгая зима,
Я опять стою одна,
Смотрю на вишню из окна.
Околдована тем древом вся природа,
Нет уже ненастья и плохой погоды.
Тайны ночи подарю тебе я утром
И спою, закричу, о любви я не молчу.
Околдована природа, нету тени,
И чаруют звуки песни без сомнений.
Я вином твоим упьюсь, как будто в сказке,
Улечу, прокричу, о любви я нашепчу...
Расцветала вишня рядом у окна,
И опять, тоскуя, я стою одна.
День дрожит рассветом, ему невдомёк,
Что та радостная ночь унесла сомненья прочь...

Погадай!

Погадай ты мне, дивчина,
позабавь ты сердце вновь.
Возгорится ли лучина?
Воспылает ли любовь?
Возродится ли полесье?
Зацветут ли вновь луга?
Воссияют ли под небом
рек хрустальных берега?
Дорогая, дорогая,
ты мне просто погадай!
Ты скажи мне всё, родная,
и мне счастья пожелай.
Буду ли я, богатея,
в жизни жить и не тужить?
Буду ли я петь, не смея
приму сцены лишь затмить?
Буду ли я деньги тратить,
виллы, яхты все скупив?
Буду ли цветами пахнуть,
все вершины покорив?

Апокалипсис

Конец времён, возможно, уж настал!
И нету нам прощенья!
И всякий, кто молиться опоздал,
Торопится у неба испросить прощенья!
Трубой Архангел освещал
Презренных дней приход, Суда свершенья!
Чтобы поверил человек, что неспроста
Даны нам тайных знаний откровенья.

Любовь

Я просто не могу жить без тебя,
Вдали тех глаз, что окрыляли.
Улыбкой светлой, нервно и любя,
Твои слова меня околдовали...

Бойкот

Объявило всем бойкот солнышко земное.
Всё теперь наоборот, всё совсем иное.
Утром травы не шумят, птицы не щебечут.
Звёзды в небе лишь молчат и красиво блещут.
Зашумели тополя как-то по-другому,
Повернулись все моря к полюсу иному.
Ледовитый океан тоже вдаль сместился,
И пингвинов караван в Африку скатился.

Солнышко, скажи!

Солнце, солнышко, скажи,
Как нам песенку сложить?
Чтобы небо веселилось,
Чтобы пчёлка закружилась,
Напоила нас медком,
Угостила сахарком,
Иволга для нас пропела,
В небе туча побелела,
За моря от нас ушла,

Радуга опять взошла?

Владимир Калинин

Владимир Семёнович Калинин родился в г. Омске. После окончания средней школы работал слесарем на телевизионном заводе. Окончил Высшую школу КГБ СССР и аспирантуру. Преподавал специальную дисциплину в Высшей школе КГБ СССР (ныне Академия ФСБ РФ). После увольнения в запас в звании подполковника работал федеральным судьей Черемушкинского районного суда г. Москвы. Член Интернационального Союза писателей. Живет в Москве.

Российская Федерация после «перестройки», по мнению автора, все еще не может оправиться от прошедших потрясений. Криминал, как раковая опухоль, пронизывает почти все структуры общества, в том числе и банковскую сферу. Опытные руководители ОПГ рвутся во власть, внедряют своих людей в банки для совершения целенаправленных преступных акций. Например, с помощью внедренных лиц осуществляются налеты на крупные банки. Количество преступлений не сокращается, появляется все больше организованных преступных групп.

пировок, некоторые руководители для укрепления своего авторитета в криминальной среде сами исполняют конкретные дерзкие преступные акты. Более крупные авторитеты извлекают прибыль от исполнителей тех или иных преступлений. Безработица, а также низкие заработные платы позволяют криминальным авторитетам вовлекать в преступную деятельность новые кадры и удерживать в своих рядах уже отбывших уголовное наказание лиц, таких как Сизый. Таким образом, организованная преступность принимает крупные масштабы. Но есть люди, которые не согласны с таким положением. Они борются с этим явлением. К ним относятся офицер МВД Игорь Грибков и его друзья, герои повести «Смышлёный и его преступное сообщество». Они вместе с другими персонажами, у которых обострено чувство справедливости и есть желание бороться, вступают в схватку с организованной преступностью ради торжества справедливости. В результате совместных усилий гласных и негласных помощников главари организованных преступных группировок не уйдут от ответственности.

Смышлёный и его преступное сообщество

Повесть

Часть первая. Машинист в тупике

Глава 1

В мае погода переменчивая. Выпадет жаркий денёк, а следующий может быть холодным и дождливым. В тот день расцвела черёмуха, предвестник небольших похолоданий. С утра пригревало солнце, ближе к обеду прогремела гроза. Как говорил поэт, «Люблю грозу в начале мая». Действительно, как её не любить?! После сильного, но короткого дождя выглянуло солнце, послегрозовой воздух чист и свеж. В Битцевском парке, среди омытых дождём деревьев с молодой зелёной листвой, запели соловьи. Владислав шире открыл окно, вдыхая ароматный воздух, прислушиваясь к пению птиц. Вдруг раздался телефонный звонок, прервавший его наслаждение весенней природой.

– Владислав Сергеевич, здравствуйте. Вас беспокоит Игорь. Не забыли нашу работу по делу чёрного риелтора? – прозвучал бодрый мужской голос в телефонной трубке.

– Игорь Степанович, рад слышать. Давненько мы с вами не встречались. Вы где сейчас работаете? – Владислав узнал по голосу Грибкова, офицера МВД.

– В настоящее время занимаюсь серьёзными делами по борьбе с организованной преступностью. У меня к вам небольшая просьба. Мы её могли бы обсудить сегодня вечером. Вы не против?

– Игорь Степанович, конечно, я не против. Где и когда можем встретиться?

– Владислав Сергеевич, нас сегодня бросили на контроль за пропусками у входа в метро. После окончания дежурства могу с вами встретиться около входа в санаторий «Узкое», что в Битцевском парке, точнее, против церкви. Там есть скамейка, на ней буду вас ждать в восемнадцать тридцать. Прогуляемся по парку. Где-нибудь присядем на лавочку и спокойно всё обговорим.

– Что, у вас более важной работы нет, как стоять у турникетов и проверять пропуска? – возмутился Владислав.

– Работы очень много, но такой приказ поступил от начальства: «Все на борьбу с коронавирусом», – едва сдерживая негодование, пробасил Игорь.

– Я на самоизоляции, сижу вот у окна, слушаю трели соловьёв. В парк мне нельзя ходить. Только в продуктовый магазин и в аптеку бегаю. Дальше ста метров от дома отходить не разрешается, – нарочито жалобным тоном уточнил Владислав.

– Владислав Сергеевич, со мной вас не накажут. Иначе всё можно свести к абсурду, – уже спокойно отреагировал Игорь на «жалобу» Владислава.

– Добро. Понял. Постараюсь быть в назначенное время.

Обрадованный прогулкой по парку Владислав прибыл на место встречи без опоздания. Игорь Грибков уже сидел на скамейке против входа в старинную церковь бывших владельцев имения «Узкое». Храм и прилегающая территория благоустроены: вокруг хорошая ограда, построены жилой дом для священнослужителя и гараж. Для верующих установлена застеклённая доска объявлений. Площадка перед церковью и дорожки тщательно подметены. Владислав умеренным твёрдым шагом подошёл к Игорю. Друзья обнялись, приветствуя друг друга.

– Игорь, ты возмужал. Усы отрастил. А причёска осталась та же, с максимально короткими волосами. Наверно, в звании и в должности подросток?

– Не хочу хвастать, но скажу, что после успешного завершения дела в отношении мошенницы Сударевой Жанетты и за другие проведённые важные мероприятия мне досрочно присвоили звание капитана. В настоящее время перешёл в когорту старших офицеров. Присвоили звание майора. Должность у меня достаточно высокая и ответственная, – с гордостью сообщил офицер МВД, расправив и без того широкие плечи.

– От души поздравляю. Желаю дальнейшего карьерного роста как в звании, так и в продвижении по должности. Ты хороший оперативник. Надеюсь, из тебя получится отличный руководитель. Какие проблемы возникли? – чётко и кратко, по-офицерски, спросил Владислав.

– Давайте прогуляемся к автобусной остановке и по ходу поговорим.

– Согласен.

Единомышленники по вопросам борьбы с криминалом, чем-то схожие спортивными фигурами, не торопясь разговаривая, пошли по дороге через мост между верхним и нижним прудами к площадке, где на конечной остановке разворачивался маршрутный автобус.

– Владислав Сергеевич, если помните, полковник, тогда мой начальник, а ныне пенсионер, настаивал на проведении операции по задержанию криминального авторитета Машиниста. Однако материалов для его ареста у меня не хватало. Нарботки я передал в действовавший тогда РУБОП. Но в связи с вскоре последовавшим его расформированием дело в отношении Машиниста развития не получило.

– Иван Александрович посодействовал твоему переходу в подразделение по борьбе с организованной преступностью?

В ответ Игорь только утвердительно кивнул.

– То есть тогда не получилось, так он создал тебе условия для завершения его задумки в отношении Машиниста. Настойчивый был руководитель. В настоящее время у тебя появилась возможность достать Машиниста. Я правильно понимаю? – ожидая положительного ответа, спросил Владислав.

– Да. Только вот отвлекают, как и в других подразделениях. Сегодня целый день стоял в метро и проверял наличие пропусков на проезд в общественном транспорте, а также масок и перчаток. А работа не двигается. Потом будут спрашивать, почему тяну с реализацией разработок. Сегодня в райотделах только дежурная служба сидит. Почти весь личный состав брошен на борьбу с коронавирусом. Некому даже на серьёзные происшествия выезжать. А мы что, железные и не поддаёмся инфекции? Огромный людской поток. Мне некогда было руки протирать после проверки документов. Сколько раз я мог заразу передать и сам подхватить. Вы не волнуйтесь, сейчас на мне нет ничего заразного. Принял меры по санобработке.

– Нет, не волнуюсь. Ко мне никакая зараза не пристаёт. Сегодня по Интернету слышал, что в МВД требовали усилить работу по выявлению нарушителей самоизоляции, так как мало применяются штрафные санкции.

– Я думаю, это связано с тем, что в начале карантина масок и перчаток не хватало, а кое-где их вообще не было. Сейчас в Москве закупили предприятие по их производству, и масок стало много продаваться. Надо вернуть затраченные деньги.

– Верно говоришь. Бизнес и ничего личного. Деньги вынужденно неработающим выдавать нельзя, так как бюджет треснет. Ладно, и это переживём. Давай выкладывай, почему понадобилась встреча со мной.

– По имеющейся у меня информации из оперативных источников, Машинист занимается крупными делами. Под его контролем два банка, несколько ломбардов и ювелирных мастерских. Пытается установить прочные связи с криминальными торговцами золотом и драгоценными камнями из стран СНГ. По некоторым сведениям, ищет пути к выходу в страны Европейского Союза, особенно его привлекает Голландия с её развитым производством ювелирных

изделий. В целом его ОПГ и несколько других группировок входят в состав организованного преступного сообщества, глава которого – некто Смышлёный.

– Чем я могу помочь?

– Дело в том, что в одном из банков, подконтрольных Машинисту, работает главным специалистом Михаил Сухин. Он купил всё-таки у законного владельца квартиру в Москве, по-моему, ту же, что предлагала ему мошенница Сударева. У меня есть к вам просьба – помочь убедить его оказать помощь в изобличении Машиниста. Я знаю, его мама будет категорически возражать, поэтому, учитывая, что он находится у неё под каблуком, я не решился говорить с ним на эту тему. Тем более что она часто приезжает к нему. Вы на него и на неё можете оказать влияние. Он мне нужен как возможный свидетель на стадии реализации разработки, чтобы не светить агентуру. Поможете?

– Ну, попробую. Вроде бы он адекватный парень. Назови мне его рабочий телефон, а также где находится банк, в котором он работает. Его мобильный у меня есть.

Получив необходимую информацию, Владислав на следующий день на своей машине поехал по делам в центр города и, проезжая мимо банка «Кредит Плюс», где работает Михаил, вспомнил об обещании и позвонил ему.

– Привет, Миша! Давненько у нас не было встречи для хорошей беседы за жизнь. Как живёшь? Как обустроился в новой квартире, как дела на работе в банке? Как семейная жизнь, есть ли уже пополнение?

– Владислав Сергеевич, рад вас слышать. Вы столько вопросов задали, что по телефону на них сразу не ответить. Мне с вами надо обсудить кое-что, связанное с моей новой работой. В банке много нового. По служебным обязанностям всё понятно. Есть другие вопросы, не для телефонного разговора. Если вы располагаете свободным временем, можно встретиться. Я на самоизоляции. Работаю на удалёнке, по Интернету, из дома. Время есть, а место для встречи – только квартира. В кафе или в сквере на скамейке не получится. – В его голосе чувствовалось неподдельное оживление.

– Миша, я понимаю, сейчас коронавирус бушует, как говорят чиновники из властных структур, надо сидеть по домам. Как закончишь дела по работе, давай встретимся у меня в офисе. Дорогу знаешь. Пешком дойдёшь, здесь от твоего дома недалеко. Перед выходом из дома позвони. Я предупрежу охрану, чтобы тебя пропустили.

– Обязательно приду. Думаю, ближе к девятнадцати часам.

– Хорошо, жду тебя. У меня тоже работёнки поднакопилось.

Офис Рябинина расположен в бывшем НИИ электронной промышленности, которая когда-то, при СССР, успешно развивалась. Первые советские ракеты летали в космос с установленной на борту отечественной электроникой. Многоэтажное здание имеет коридорную систему с огромным количеством комнат. Есть помещение бывшего актового зала, где в настоящее время расположился фитнес-центр. Ввиду карантина и из-за большой заботы о здоровье граждан это оздоровительное заведение временно не работает. В других бывших кабинетах научных сотрудников и лабораториях находятся разные фирмы и фирмочки, начиная от пунктов выдачи заказов из интернет-магазинов и заканчивая адвокатскими и консалтинговыми конторами. Кто является собственником здания, узнать достаточно сложно. Однако все помещения арендованы, значит, находят кому отдавать арендную плату. Помещения охраняются сотрудниками одного из многочисленных ЧОПов. Офис Владислава ранее был кабинетом главного инженера. Владислав арендует две просторные комнаты. Одну комнату он приспособил под свой кабинет, а в другой установил прямоугольный не длинный стол с несколькими стульями для проведения совещаний с коллегами и организации праздничных мероприятий. Кабинет светлый, обставлен стандартной мебелью. У Владислава на столе стоит мощный компьютер. На противоположной стене укреплен на кронштейне телевизор с плоским экраном фирмы SAMSUNG. У окна на деревянной, сколоченной из крепких брусьев подставке, похо-

жей на большой табурет, установлена кадка с комнатным растением – пальмой. Досталась от бывшего владельца кабинета. Владиславу было жалко выбрасывать на улицу красавицу из южных краёв, доросшую почти до потолка. Для полноты картины надо сказать, что у противоположной от окна стены разместились шкаф с книгами и небольшой сейф. Обстановка достаточно аскетичная.

Почти в точно назначенное время раздался музыкальный сигнал мобильного телефона.

– Михаил, ты уже на подходе?

– Да, топаю к входу в ваш НИИ.

– Добро. Звоню в охрану.

Через несколько минут Михаил открыл дверь в кабинет Владислава.

– Рад видеть тебя, Миша. Ого, ты растолстел здорово. Жена откормила? В Энске ты был не такой толстый.

– Я тоже рад вас встретить. У вас седина прибавилось. В остальном такой же жилистый, спортивного вида мужчина в расцвете сил. Питаюсь я хорошо, но не от этого набрал вес. Работа сидячая. Прогулок почти нет. Ещё этот коронавирус. Самоизоляция. Купил велосипед. Вот закончится пандемия – буду по парку Победы гонять. Там хорошие дорожки есть. Я уже приметил, – скороговоркой оправдался Михаил.

– На коронавирус не пеняй. Эпидемия – штука сложная и опасная. В Москве в новостях сообщения как с фронтов большой войны: сегодня слышал – пятьдесят два человека умерли с пневмонией и положительным тестом на коронавирус. Молодец, что собираешься на велосипеде гонять. Пополнение в семье ожидается или уже можно папашей называть?

– Нет. Жена учится на третьем курсе в университете, в другом городе. Окончит, будет переводиться в Москву. Вот тогда о пополнении подумаем.

– Добро. Сейчас большинство молодёжи так решает. Сначала – карьера, а потом – семья. Смотри не затяни. Увлечётся работой – не до детей будет.

– Нет, она серьёзная. Детей не менее троих хочет иметь. Спортсменка, горячая, что в голову вобьёт, обязательно добьётся.

– Я затынул с детишками. Только двое пацанов. Уже в школу ходят. Учатся хорошо, но хулиганят. На переменах бесятся. Ну, это пройдёт. Давай к делу. Ты что-то по работе хотел со мной обсудить? – Владислав не хотел сразу переходить к щекотливой теме помощи в разработке Машиниста.

– Владислав Сергеевич, в банке какие-то подозрительные вещи происходят. Представляете, у директора банка в заместителях ходит какой-то армянин с русской фамилией Ромкин. На руках уголовные татуировки. Говорит с сильным кавказским акцентом и в финансовых операциях, по-моему, не разбирается. Я к нему как-то зашёл с бумагами, хотел обсудить несколько вопросов. Мне показалось, он абсолютный ноль. Зато кабинет богатый. Мягкая мебель из белой кожи, столы и стулья импортные, из дорогого дерева. На работе его часто не бывает. Если несколько раз в месяц встретишь, это хорошо. Бухгалтер и кадровик говорили, что периодически в загранкомандировки и по российским городам ездит.

– Может быть, он был не в настроении или занят очень серьёзными мыслями и не мог настроиться на решение твоих вопросов? А насчёт акцента, так это и у русских, родившихся на Кавказе и проживших там долгие годы, знающих местный язык, такой акцент может быть, когда они говорят на русском. – Владислав хотел и сумел выслушать сначала Михаила, поэтому слегка противоречил Михаилу, чтобы он активнее стал рассказывать об обстановке в банке. И, может быть, сам вышел на необходимость контакта с работником МВД.

– Да, но он в близких отношениях с настоящим уголовником, старшим смены охраны. Тот просто, если помотришь на него, сразу можно сказать – убийца. Зубы у него металлические и улыбка страшноватая. Недобрая. Взгляд холодный, пронизывающий. Наши женщины шарахаются от него. Ну, он к ним не пристаёт. Чаще всего у Ромкина оттирается, когда тот на

месте. Что они с ним там обсуждают, я не знаю, женщины говорят: чай они там пьют, и очень крепкий.

– Чифирят, что ли?

– Я слышал, что это когда много чая заваривают в одной кружке. Не знаю, может быть, и чифирят. Меня другое беспокоит. Валерка, мой школьный товарищ, работает в банке «Лира Плюс». Я о нём вам ранее говорил. Он в группе топ-менеджеров. Прилично зарабатывает. Банк рвётся в лидирующие позиции. У них толковое руководство. Грамотные менеджеры по маркетингу. От этого во многом зависит успешная работа банка. Главным специалистом по маркетингу рынка драгоценных металлов и камней у них работает очень красивая, или, проще сказать, роскошная дама. С ней в близких отношениях мой дружок уже несколько лет. Жениться не собираются. Оба независимы друг от друга. Такой образ жизни ему нравится. Детей иметь он не хочет. Товарищ мне рассказывал, что к ней подбивает клинья старший специалист из её группы работников по маркетингу. Он хороший финансист и прекрасно разбирается в компьютерах. Мужик приятной внешности, рослый, хорошо сложен и обходителен с женщинами. Знаете, с такими тонкими усиками, как у ловеласа. Есть небольшой недостаток – нос огромный. Женщины, как правило, ему отвечают вниманием. Вот подруга моего товарища доверяет ему, когда её нет по каким-либо причинам на работе, она передаёт ему право пользоваться ключами от хранилища ценностей, как банковских, так и от ячеек клиентов, где хранятся их деньги в валюте и драгоценности. Поскольку банк пользуется популярностью у богатых людей, там хранятся ценности на большие суммы. Почему я так говорю, потому что недавно в их банке расширили помещение для хранения ценных бумаг, бриллиантов, золота, серебра и других драгоценных камней и металлов. Мой товарищ пытался убедить свою подругу, чтобы она не слишком доверяла этому старшему специалисту, но она не слушает его. Говорит, что это он из ревности. Кроме того, её подчинённый не один туда ходит. Ключи хранятся у ответственного работника, который выдаёт их под запись. Вход туда допускается обязательно с охраной и клиентом. Каждый раз делается запись в журнале посетителей хранилища. У входа в помещение есть круглосуточная охрана.

– Так что тебя насторожило? Работают успешно и установленных правил не нарушают. – Владислав снова подзадорил Михаила, стимулируя его к более полному рассказу.

– Правильно. Но дело в том, что этот специалист к нам в банк ходит и контактирует со старшим смены охраны и с заместителем директора банка. Они частенько сидят у него в кабинете. Потом с какими-то портфелями-дипломатами уезжают на мощном вездеходе.

– Ну и что? Может быть, какие-то документы отвозят.

– Я бы им не доверил возить даже свадебные торты. Съедят или сломают.

– Что, сладкое очень любят?

– Нет, они на новогодней вечеринке в ресторане драку с посетителями устроили. Посуду побили. Банк всё оплатил. С них как с гуся вода.

– Понятно. С ними у тебя дружбы не будет.

– Ну уж я не такой нелюдимый. Мне нравятся работающие люди. Например, Наталья Пожарская.

– Это красавица из другого банка, с которым вы конкурируете?

– Владислав Сергеевич, мне она нравится не своей внешностью и нравственными взглядами на жизнь. Она очень толковый работник. А связи с мужчинами – это её личное дело. Тут мне она не подходит в подруги. Тем более что я женат.

– Что же это за деловые качества, что так тебе нравятся?

– Дело в том, что она как маркетолог очень грамотно и энергично подходит к выполнению своих служебных обязанностей. Она всегда в курсе наличия на рынке кредитных ресурсов и может дать им подробную характеристику. Твёрдо знает потребность рынка в кредитных вложениях и даёт грамотные рекомендации высшему руководству банка «Лира Плюс». Особенно

её интересуют конкуренты, и она много знает об их слабых и сильных сторонах. Её постоянно интересует уровень денежных доходов населения и предприятий в зоне интересов банка. Я с ней неоднократно общался, когда она по делам приходила в наш банк. Я тоже маркетингом занимаюсь.

– Вероятно, она здорово разбирается в драгоценных ювелирных изделиях?

– По-моему, любая женщина стремится знать, что из ювелирных изделий – дешёвка, а что – подходящая для неё вещь, натуральная и красивая. Она не будет покупать в Турции или в Египте на рынке золотые ювелирные изделия. В Голландии, точнее, в Амстердаме, на фабрике у изготовителя с сертификатом качества она может что-то приобрести. У Натальи всегда самые изящные, красивые, натуральные и дорогие украшения.

– Машина у неё есть?

– Конечно, белый «мерседес». Водит сама и разбирается в устройстве автомобиля.

– Сколько ей лет?

– Я думаю, за тридцатник уже перевалило.

– Когда же детей она хочет заиметь?

– Вероятно, своих детей у неё не будет. Так и мой дружок говорил, что к детям она и он безразличны. Владислав Сергеевич, что я всё о своей работе вам рассказываю. Вы ведь хотели со мной встретиться по важному делу? Я отвлекаю вас.

– Нет, Миша, мне интересно всё, что ты рассказал. О деле я хотел кое-что обсудить. Начну с главного. В 2008 году президент Д. А. Медведев своим указом ликвидировал Управление по борьбе с организованной преступностью (УБОП), где работало более десяти тысяч наиболее опытных и грамотных в профессиональном отношении сотрудников. Безусловно, среди работников отмечались факты коррупции, превышения должностных полномочий. Так это везде, где контроль ослаблен, а прав предоставлено много. Может, надо было усилить контроль со стороны прокуратуры, ФСБ и других контролирующих органов, а не рубить сплеча под восторг жёлтой прессы и криминала. В результате были потеряны многие наработки по мафиозным группировкам. Ты же помнишь Судареву Жанетту, что тебя хотела обмануть?

– Ещё бы, она хотела нагло похитить десять с половиной миллионов рублей. Кстати, я сейчас живу в той же квартире. Родители помогли. Заплатил немного меньше. Всё-таки мы спасли хозяина квартиры от обмана. Она могла его оставить без недвижимости.

– Могла. Я хочу обратить твоё внимание на другое. Ты же видел её охранников. Так они были приставлены к ней криминальным авторитетом, который курировал не только её преступную деятельность. Его тогда Игорь Степанович не смог арестовать. Она его не выдала. Охранники тоже ничего о нём не показали на допросах. Твердили: «Она попросила охранять, так как большие деньги при продаже квартиры могла получить. Мы её от грабителей охраняли и не знали, что она мошенница». Один только из них был осуждён за сопротивление органам правопорядка.

– Как же теперь выявлять и наказывать крупных чиновников, банкиров, которые имеют связи с криминалитетом? – возмутился Михаил.

– Такая работа была возложена на уголовный розыск и подразделения борьбы с экономическими преступлениями. Тут своя сложность возникла. Например, произошло убийство или разбой, грабёж. При разработке выявляются преступные связи с чиновниками, банкирами и прочими. Требуются знания в области финансов. Такие специалисты есть в подразделениях борьбы с экономическими преступлениями. Дело передают туда. Они могут передать дело обратно, так как убийство и разбой – это не их специализация. Чтобы устранить такую неразбериху, создали подразделение по борьбе с организованной преступностью. Вот там сейчас и работает знакомый тебе Игорь Степанович. Он уже майор и занимает важную должность.

– Я очень рад за него. Очень порядочный и грамотный работник.

– Ещё бы, Университет МВД окончил. Опыт у него сейчас тоже немалый. Он хочет попросить твоей помощи в изблечении крупного криминального авторитета из организованной преступной группировки.

– Отчего он сразу ко мне не обратился? Нужна помощь в финансовых аферах – так у меня по Энску есть небольшой опыт. Пусть обращается.

– Он опасается сопротивления твоей мамы. Кстати, как там у неё с твоим отцом, отношения наладились?

– Пока у них гостевой брак. То папа у неё живёт, то она к нему перебирается. Отношения хорошие. Отец перешёл на работу в школу-интернат. Мама взяла его к себе на должность начальника службы безопасности. Он там кое-какие занятия проводит под её методическим контролем. Всё-таки он без педагогического образования. Да это лучше. Мужу и жене в руководстве учреждения работать не очень хорошо. Можно вызвать нарекания от вышестоящих органов. А так вроде как чужие люди, конечно, формально.

– Я надеялся на тебя, что не откажешь в помощи хорошему человеку. Тогда позвоню Игорю, что ты согласен.

– Конечно.

– Он с тобой встретится, и вы всё обсудите. Ты только об этом маме не рассказывай.

– Не волнуйтесь. Ничего не скажу. Я ведь всё-таки участник поимки с поличным.

Глава 2

Криминальным авторитетом более высокого уровня являлся вор по кличке Смышлёный. Он не был вором в законе. Ему козырные воры предлагали короноваться, но он как будто предчувствовал, что в России так же, как и в Грузии, рано или поздно только за одно положение в криминальной иерархии – вор в законе – будут привлекать к уголовной ответственности, и отказывался от такой чести. Потом ещё избыточно строгие требования к вору в законе: не жениться, не иметь собственной недвижимости, участвовать в разборках конфликтов между воровскими группировками и другие – не нравились ему. Он считал, что такая перспектива не для него, поэтому решил идти другим путём. Сергей Васильевич Смышляев (это его настоящая фамилия), поджарый, высокого роста, на вид старше сорока лет мужчина с седой пышной шевелюрой и седыми усами, как у запорожского казака, возглавлял крупное организованное преступное сообщество. Особых примет у него не было, разве что шрам на плече от сведённой татуировки. Говорили, что там была наколота эмблема ВДВ как память о службе в Советской армии. Машинист был одним из его бригадиров, который со своей группировкой решил перейти под крышу Смышлёного. Время такое наступило, небольшие группировки стали объединяться. Машинист пошёл на деловой контакт с авторитетом Смышлёным потому, что тот уже подчинил своей власти несколько мелких группировок, где-то силой, где-то хитростью. Своей кликухе он соответствовал, старался руководить с умом. Никто из вновь присоединившихся на него не жаловался. У Смышлёного был солидный общак. Он не жалел денег для грева осуждённых боевиков (пехоты) и других завалившихся корешей. Некоторых из следаков и прокурорских держал на коротком поводке. Лепилы (адвокаты) были одни из самых пронырливых, но дорогих. Он хотел подмять под себя богатый банк («Лира Плюс»), стремящийся к выходу на европейские страны, чтобы в одном из заграничных отделений банка хранить деньги из своего общака. Через руководство и сотрудников такого банка он мог бы выявлять богатых лохов, которых можно потрошить. Под ним был банк «Кредит Плюс», но не очень богатый и выходов за рубеж не имел. Однако он поставил туда смотрящим Машиниста и одного боевика, бывшего специалиста по гоп-стопу, отбывшего положенный срок, который работал в качестве старшего смены охранников. Он забирал дань с банка «Кредит Плюс». Деньги поступали регулярно, но большого дохода не давали. Надо было выходить на банк «Лира Плюс»,

куда Машинист подыскал и внедрил своего человека, настоящего финансиста, ранее работавшего в отделении большого банка в одном из городов Северного Кавказа. Парень с опытом работы с криминальными операциями, способный. Выходил из сложных ситуаций чистеньким за счёт своей сообразительности и умения устанавливать контакты с нужными людьми. На своей должности он не имел полного доступа к коммерческой информации и не мог выйти на зарубежные банки или на зарубежные отделения российских банков. Он не знал иностранных языков. Есть там некая Наталья Пожарская, талантливый главный специалист по маркетингу. Красивая женщина и со знанием нескольких европейских языков. Вот её надо привлечь к работе по добыванию бабла. Она сможет вывести на зарубежные отделения российских банков и на зарубежные банки. Тогда можно не ждать, пока внедрённый Машинистом человек достигнет доверия и займёт необходимый для дела пост. Смышлёный через другие имеющиеся у него возможности в подчинённых ему организованных преступных группировках получил кое-какую информацию о положении дел в группировке Машиниста. Для обсуждения вопроса о расширении своего преступного бизнеса он пригласил Машиниста к себе домой. Такой вызов расценивался как большая честь для любого бригадира.

Смышлёный в Москве жил в микрорайоне, называемом в народе «Княжеское гнездо». Охраняемая территория двора дома была хорошо озеленена. Двор украшали взрослые раскидистые липы. Траву на газонах аккуратно подстригали. Кусты сирени каждую весну пышно цвели. Авторитет занимал квартиру в два яруса площадью не менее двухсот квадратных метров. Несмотря на то что одно время были модны пластиковые окна, у него в больших окнах стояли рамы из дерева, в дореволюционном стиле, и гармонично сочетались с дверями. Его кабинет находился на втором этаже. Чтобы попасть к нему, надо было пройти по большому залу с камином и большим белым роялем. Паркетный пол с красивым орнаментом позволял танцевать двенадцати-пятнадцати парам. В углу зала находилась лестница, ведущая на второй этаж, где кроме двух спален, ванной и туалета был кабинет хозяина. Лестницей он гордился, поскольку ее выполнил по его заказу хороший мастер. Лестничное ограждение было великолепной ковки, в виде замысловатого растительного узора. Перила из полированной карельской берёзы, ступени из белого мрамора. Гостей он принимал в своём кабинете. Мебель там стояла обычная: два кресла, диван и журнальный столик, тоже из карельской берёзы, книжный шкаф с дорогими книгами, значительная часть которых – в кожаных переплётках. Говорили, кто сидел с ним на зоне, что он любил читать книги по истории России. Хорошо знал произведения М. Ломоносова, Н. Карамзина и других писателей. С интересом отзывался о книгах современного автора Е. Спицына.

Машинист прибыл вовремя. На КПП дежурный охранник позвонил Смышлёному и, получив разрешение, указал, где лучше поставить автомобиль на стоянке. У входа в подъезд Машиниста встретил телохранитель Смышлёного и проводил в кабинет хозяина квартиры. Указал ему на кресло, стоящее спинкой к дверям, велел ждать Сергея Васильевича.

Минут через пятнадцать в кабинет вошёл Смышлёный. Одет он был по-домашнему. Светлые, тщательно отглаженные брюки, белая сорочка, на ногах мягкие светлые кожаные туфли. Лицо после недавнего массажа светилось здоровьем. Взгляд светло-серых глаз был суровым и блестел цветом нержавеющей стали, что предвещало очень серьёзный разговор. Машинист немного оробел, вспомнил порядки на зоне и вскочил с кресла.

– Присаживайся, – властным тоном произнёс авторитет. Он не любил слово «садись». Сам присел в кресло спиной к окну. Стёкла окна, возможно бронированные, были настолько чистые, что казалось, их нет и можно рассмотреть листья на деревьях лесопарка, находящегося на приличном расстоянии. Сквозь окно светило яркое солнце, лучи которого, как прожектор, освещали лицо Машиниста.

Смышлёный без вступления и приветствия тоном приказа сказал:

– Рассказывай, как дела в банках. Сколько чифиря ты выпил в кабинете заместителя директора банка «Кредит Плюс», я знаю, ты по существу говори.

Машинист стал было жаловаться на управляющего банком, где работал его человек, внедрённый им на должность старшего специалиста.

– Это я знаю. Ты мне скажи, чем у тебя занимается твой старший смены охраны в банке, где ты сидишь.

– Вы же знаете, что Сизый бабло забирает и доставляет вам исправно. Не крысятничает.

– Я знаю, что он на зоне тебе практически жизнь спас. Ты мне расскажи, где он живёт и где развлекается.

Машинист назвал подмосковный городок, где жил его кореш Сизый.

– И это всё, что ты можешь о нём сказать?

Машинист чувствовал, что Смышлёный знает что-то о проделках Сизого, но что, он не мог определить. Вроде никаких подлянок за ним не замечалось. Он замешкался с рассказом.

– Зато я знаю, где и как развлекается твой корешок. Он по какой статье тянул срок?

– По 161-й, части второй. Там мутное дело, то ли с применением насилия, то ли с угрозой применения насилия.

– Знаешь. Так вот, он находится в местном – пока – розыске за нанесение тяжких телесных повреждений менту. Это ты знаешь? – повысил тон Смышлёный.

– Сергей Васильевич, клянусь, век воли не видать. Не знаю.

– Вот и плохо. Менты землю роют. Найдут – будут неприятности имиджу фирмы: какие кадры поставляем в охрану банка. Кто нам после этого будет доверять? Сгорел твой кореш. Грев ему на зоне будешь обеспечивать ты, если, конечно, он заслужил.

– Сергей Васильевич, он надёжный малый. Ему надо на дно лечь. Ксиву хорошую сделать, и пусть мотает из Москвы и Подмосковья.

– Хорошо говоришь. Только этого мало. Надо напоследок его использовать в одной делеге. В банке, где твой финансист батрачит, есть одна баба, Натальей, кажется, её кличут.

– Есть там такая. Симпатичная шмара. Мой человек с ней установил доверительные отношения. Она ему доверяет в её отсутствие водить клиентов в хранилище, где находятся ячейки с драгоценностями и валютой.

– Знаю. Надо её привлечь пахать на нас.

– На это она не пойдёт. Она живёт одна. Пашет на работе по-деловому. За её счёт банк здорово двигается вверх. Клиенты богатенькие доверяют и отдают свои ценности и валюту на хранение. Она много знает из того, что управляющий банком «Ли́ра Плюс» хранит в секрете.

– Пойдёт, если всё сделать по уму.

– Я об этом думал, но ничего не получается.

– Получится, – очень твёрдо сказал Смышлёный, вселяя в слушателя уверенность в привлечение к сотрудничеству важного менеджера. – Ты лапки не складывай. Она собирается через неделю поехать к себе на дачу, навести там после зимы порядок, кое-что посадить из зелени. Сам знаешь, садово-огородные дела. Со следующего понедельника хочет взять три дня отгулов. Её любовник уехал на какие-то острова ещё до карантина и застрял там. Так что она будет на даче одна.

Машинист про себя удивился осведомлённости Смышлёного: как он может столько знать.

– Надо сделать для неё что-то вроде «медовой ловушки». Сизый может пригодиться. Надо сделать так, чтобы она на своём белом «мерсе» прихватила его, якобы подвезти до Люберец или до Малаховки. Дача у неё в Малаховке. Это по пути. В Люберцах надо сделать так, чтобы на трассе их ждали его кореш с подругой или женой. Чёрт их разберёт. Они сейчас там от ментов прячутся. Пусть они помогут ему раскрутить её.

– Как вы всё знаете? – не удержался и восторженно сказал Машинист.

– Будешь на моём месте – тоже всё станешь знать. Для этого надо не только цифирём баловаться, но и мозгами шевелить. У тебя ведь кое-что есть в чердаке. – Так Смышлёный слегка приободрил подчинённого. Машинист мог только догадываться, что у Смышлёного хорошо поставлена разведка и контрразведка. Есть свои люди как среди криминального люда, так и среди ментов.

– Кое-что могу.

– Надо не кое-что, а больше. Ты когда оторвался с кичи?

– Давно.

– Живёшь под чужими документами. Сейчас идёт оформление всего населения в единый регистр. Все данные о тебе соберут. Если понадобится, по отпечаткам пальцев определят, кто ты есть на самом деле. Тебе надо для повышения своего статуса замутить крупную делюгу, чтобы тебя знали как умного, делового вора.

– Сергей Васильевич, я готов. Скажите, что надо делать.

– Слушай внимательно. Нам надо подмять банк, где внедрён твой человек. Кстати, как его кличут? Всё забываю имя.

– Артём Варданян. Кликуха у него – Аркаша. Мать у него – гречанка. Отец – армянин. В детстве его все Аркашкой звали, так прилипла кликуха.

– Почему Аркаша, если он Артём? – удивился старый вор.

– Так бывает, может быть, не мог выговорить своё имя правильно.

– Чтобы генеральный директор банка «Лира Плюс» был сговорчивей, надо изъять у него всё рыжё, баксы и другие ценности, находящиеся в хранилище. Потом можно оказать шефскую помощь взамен получения от него высокой постоянной ренты. Твой человек может туда войти. Вот подумай, как это лучше сделать, пока Натальи не будет. А, её надо запрячь в нашу команду, чтобы сообщала всю коммерческую инфу, известную ей. Банк перспективный и наверняка скоро выйдет за пределы России. Это то, что нам надо.

– Я подумаю.

– Нет, думать поздно. Я набросал тут кое-что. Вот что можно сделать. Сизого надо к ней в «мерс» посадить, будто надо ему срочно доехать до Люберец или до Малаховки. Я уже тебе говорил. Это по пути к ней в Малаховку, пусть твой человечек поможет посадить Сизого. Сам проинструктируй его, Сизого и кореша с подругой, чтобы помогли ему раскрутить Наталью на групповуху. Вот для этого понадобится подруга кореша Сизого. Она опытная в таких делах. Пусть она «по секрету» расскажет Наталье, что они могут ей лицо испортить. Покажет свой шрам от уха до подбородка, что получила, когда отказывалась исполнять приказы воров. И свою татушку матерную ниже живота тоже может показать. Скажет ей, что могут связать и насильно набить что-нибудь похлеще, если откажется. Будет упираться – пусть заставят силой, угрозами, только не бьют по морде. После того как групповуху провернут и сфоткают её, пусть отберут от неё подписку с указанием всех известных ей богатеньких клиентов и предпринимателей, пользующихся услугами банка, с указанием их адресов. Далее указать, что добровольно будет сотрудничать по выдаче коммерческой тайны банка за определённое вознаграждение.

– Ну, толково, можно такую делюгу замутить. Подсадить к ней Сизого несложно. Аркаша сможет её уговорить. Только вот как заставить кореша, с которым Сизый мента отметелил?

– Слушай, Машинист, тебе надо задницу с мягкого дивана оторвать и поехать в Люберцы, найти эту парочку. Снабдить их хорошим шампанским, закусью, фруктами. Пусть придумают, что им надо на дачу. Я дам адресок. Мой старый знакомый скончался, и дача стоит в Малаховке уже год заброшенная. Соседям позвоню, что через недельку могут приехать гости. Старики хорошие, возражать не станут и в полицию звонить не будут. Фотоаппарат мощный, чтобы видео мог снимать, купи и дай им с запасным чипом. Объясни, что если сделают хорошие фотки и видюху, то получат отличные ксивы и бабла дадим на отсидку, где-нибудь в деревне, конечно, не в Московской области. Это их будет стимулировать. Как дело сделают, пусть

условной фразой тебе сообщат. Сизый должен привезти сюда результат проведения «медовой ловушки». Посмотрим, как там Наталья вышла. Его кореш с подругой останутся в Малаховке «развлекать» Наталью, пока у неё отгулы не закончатся. Главное – чтобы раньше времени от них не сбежала в Москву. Если всё сделают хорошо, ты с Сизым – и ещё дам тебе двух-трёх боевиков из моей пехоты – свяжете охрану или закроете в какой-нибудь подсобке. Своего человека, то есть Аркашу, можешь сам вырубить, так, чтобы он был похож на терпилу. Будете работать в масках и перчатках, сейчас самоизоляция, до конца июня продлили. Мэр на нас работает. Маски и перчатки подозрения не вызовут. Ключи от хранилища и от ячеек заберёшь у Аркаши и будешь всё сам изымать и руководить всем. Не завалишься – значит, будешь со щитом, нет – будешь на щите.

– Сергей Васильевич, что значит «со щитом или на щите»?

– Эх ты, деревня! На щите – это значит: проиграл битву или погиб. Со щитом – значит вернулся с победой. Понял? Сейчас ручку и бумагу вон, в книжном шкафу, возьми. Будешь писать текст расписки, которую должна написать Наташка. Да, вот ещё – купи женский возбудитель для Натальи, пусть ей незаметно подложат в напитки. Виагру для мужиков тоже не забудь. Дай это зелье жене того кореша. Чтобы всё было наверняка и Наталья сама просилась в постельку с мужиками. Понял? Ничего не забудь. Пиши. Я проверю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.